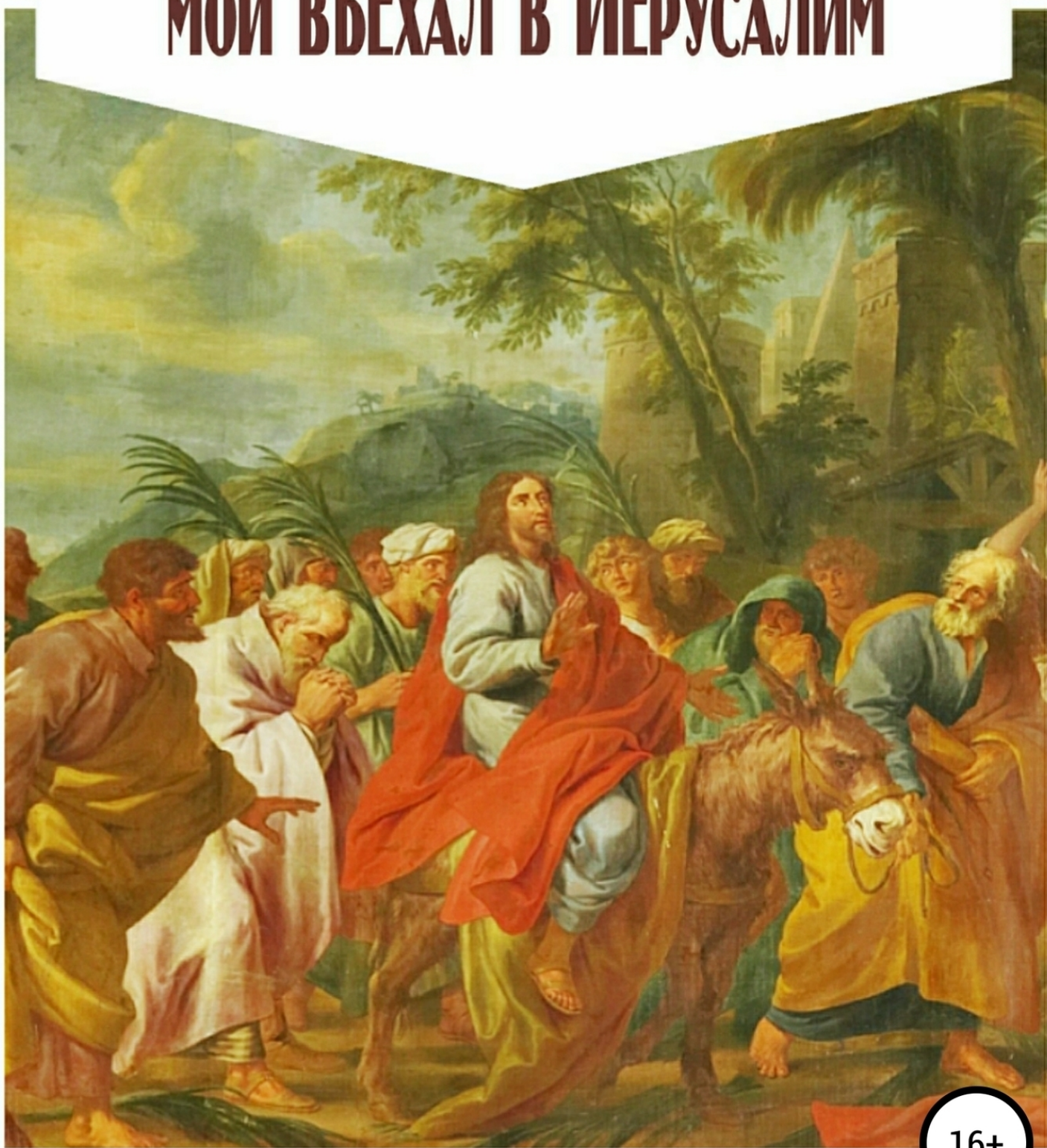

Владимир Шеленев

Я – осёл, на котором Господин мой въехал в Иерусалим

16+

КНИГА О МАЛЕНЬКОМ ОСЛИКЕ, КОТОРЫЙ СТАЛ СВИДЕТЕЛЕМ
И УЧАСТНИКОМ ВЕЛИКИХ ДЕЛ

Владимир Шеменев

**Я — осёл, на котором Господин
мой въехал в Иерусалим**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Шеменев В.

Я — осёл, на котором Господин мой въехал в Иерусалим /
В. Шеменев — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Часто люди задают вопрос, что стало с тем самым осликом, на котором Господь наш Иисус Христос въехал в Иерусалим? И вот перед вами роман-ответ от первого лица. История рассказанная Хамарином Палестинским. Ослик не говорит, но все понимает. Он ценит дружбу, знает, что такое любовь и предательство. Он познал всё это в те дни, когда Христос ходил по Земле и он ходил с Христом.

Содержание

Вступительное слово автора	5
Предисловие. Путешествие из Иерусалима в Эммаус	8
Часть 1. От дня первого до дня шестого	13
Восьмое нисана. День первый (воскресенье)	14
Глава 1. Все проблемы – от ума	14
Глава 2. Слепой сотник	20
Глава 3. Об ослах, козлах и прочих	25
Глава 4. Первый среди первых	30
Глава 5. Гордыня, морковь и пальмовая ветвь	35
Девятое нисана. День второй (понедельник)	43
Глава 6. Пилат всемогущий	43
Глава 7. Притча о неразумной смоковнице	48
Глава 8. Петроний и Никодим	53
Глава 9. Ирод, сын Ирода	60
Глава 10. Апостолы	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Вступительное слово автора

*Всё дышащее да хвалит Господа!¹
Псалом 150:6*

Четыре канонических Евангелия: от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, – возвестили всему миру о пришествии на землю Господа нашего Иисуса Христа, о рождении Его, о делах Его, о страданиях и Завете, который Он дал всему человечеству.

Но не только люди были свидетелями первого пришествия Христа. И птицы, и звери, и дикие, и домашние встречали Его с не меньшей радостью в сердце и пели: «Аллилуйя», – видя Сына Божьего.

Одним из таких скотов и был Хамарин² Палестинский, истинный сын своего народа с дымчатой шерстью и длинными пушистыми ресницами. Сей якобы молчаливый свидетель оставил воспоминания о тех благостных днях и своё видение всего, что произошло в Иерусалиме в Пасху³ в 33 год от Рождества Христова.

P. S.

Некоторые события, написанные не от первого лица, но имевшие место быть в те дни, могут отличаться от версий людей, непосредственно принимавших в них участие: видевших и слышавших всё своими глазами и ушами. Хамарин же описывал произошедшее с чужих слов. Как говорится, что услышал – то и рассказал...

События же, произошедшие непосредственно с рассказчиком данной истории, являются, с его слов, подлинными и сомнению не подлежат.

Первое объяснение с читателем

Автор не ставил своей задачей дословно, буква в букву, пересказать содержание четырех канонических Евангелий. Главным было показать ту атмосферу, которая царил в Иудее времен второго храма – в те дни, когда Господь явил народу Израиля Своего Сына. Раскрыть мотивы, побудившие ждавших Мессию отвергнуть Спасителя. И постараться ответить на вопрос: за что распяли Иисуса Христа и почему Он, имея власть, данную Ему Отцом, добровольно пошел на смерть?

Второе объяснение с читателем

Зачем автор так детально описывает быт? Отчего так дотошно рассматривает нравы, царившие в то время? Стоило ли заострять внимание на мелочах, обрядах, правилах и законах, регламентирующих жизнь иудеев?

Стоило!

¹ Все цитаты из Библии представлены в синодальном переводе.

² Хамарин (арам.) – осёл.

³ Пасха (др.-евр. Песах) – один из главных иудейских праздников, празднуется в память об исходе евреев из Египта. Начинается в 14-й день весеннего месяца нисан.

Для того чтобы понять, почему евреи не приняли Христа, надо прежде всего разобраться: как случилось, что один и тот же иудей сначала кричал: «Осанна, осанна!»⁴, – а через пять дней: «Распни, распни!». Для этого надо прожить хотя бы одну неделю в Иерусалиме первой половины I века н. э. Полюбоваться восходами и закатами, побывать в храме, постоять возле претории, зайти в Синедрион, походить по улицам, потолкаться на Храмовой горе, послушать людей на рынке – и вместе с ними подняться на Голгофу.

Третье объяснение с читателем

Иудей не мыслил своего существования вне общества, вне общины⁵, вне храма. Ежедневное исполнение правил заставляло его быть всегда начеку: молиться, не оскверняться, изучать, соблюдать, не грешить, приносить, наблюдать за рукой, за ногой, за соседом и т. д. На этом было построена вся жизнь. Иудей верил в единого Бога Творца – и с этой мыслью жил. Жил, грешил, впадал в непокорство, каялся, приносил жертву – и вновь жил, грешил и так до смерти. Жил ожиданием урожая, ежегодных праздников и прихода Мессии.

Веками сложившийся уклад был нарушен пришествием Иисуса Христа. Его учение требовало проявления любви, самоотдачи, самопожертвования ради какого-то мифического, с точки зрения обывателя, Царствия Небесного, которое, возможно, никогда не наступит. Даже среди духовных лидеров (фарисеев и саддукеев⁶) не было единого мнения по вопросу, будет ли воскресение мертвых или не будет, а что же говорить о простых израильянах, слепо идущих за своими вождями?

Поэтому и появилась эта книга, которая ни в коей мере не обличает народ Израиля, а лишь показывает глубину нравственного и духовного падения людей, живших в I веке н. э.

Несколько слов о датах

Хочу внести ясность в вопрос о не состыковки дат.

Папа римский Иоанн I (живший в VI веке н. э.) предложил отказаться от тогдашнего летосчисления, начинавшегося от 1-го года правления римского императора Диоклетиана – жестокого гонителя христиан. Эту задачу поручили скифскому монаху Дионисию Малому, который вывел, что Иисус Христос родился в 753-м году от основания Рима, и предложил считать этот год первым годом христианской эры.

Спустя многие столетия выяснилось, что в расчеты Дионисия вкралась ошибка (путаница в годах правления римских императоров), которая составила 4 года, что достаточно точно соответствует библейским данным.

Всем известно, что Христа казнили накануне Песах – еврейского праздника, отмечаемого 14 нисана. Так, в 29 г. н. э. 14 нисана приходилось на субботу, а 14 нисана в 33 г. н. э. выпадало на пятницу. Обратимся к современникам Христа. Вот что пишет апостол и евангелист Лука: «...и, сняв его, обвил плащаницей и положил его в гробе, высеченном в скале, где еще никто не был положен. День тот был пятница, и наступала суббота» (Лк. 23:53–54). Евангелист Иоанн подтверждает слова Луки, говоря: «От Каиафы повели Иисуса в преторию. Было утро; и они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху» (Ин. 18:28),

⁴ Осанна – «Спаси!»

⁵ Общество – весь народ Израиля; община – религиозная школа, к которой принадлежала та или иная еврейская семья.

⁶ Фарисеи – ревнители ветхозаветных законов. Тщательное исполнение обрядов при непонимании сути заповедей породило термин «фарисейство» – религиозное лицемерие, не видение своей греховности, превозношение собственного «я» над ближними. Саддукеи, в противоположность фарисеям, признавали только писанный закон Моисея; считали, что души людей умирают вместе с телом, посему отрицали бессмертие души и воскресение мертвых; не верили в ангелов и духов и утверждали, что Бог не имеет никакого влияния на человеческие деяния.

и продолжает: «Тогда была пятница перед Пасхой, и час шестой. И сказал Пилат Иудеям: се, Царь ваш! Но они закричали: возьми, возьми, распни Его! Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря. Тогда наконец он предал Его им на распятие...» (Ин. 19:14-16). Из всего вышесказанного следует, что Христос принял смерть в пятницу 13 нисана.

Поэтому в романе все даты приведены в соответствие с евангельскими текстами, являющимися неоспоримым доказательством подлинности произошедших событий.

И в заключение – пара слов о времени суток и днях недели

Начало дня иудеи отсчитывали с захода солнца. Длина дня зависела от сезона. Пасха (14 нисана) в тот год выпадала на субботу и наступала в пятницу, 13 нисана, приблизительно в 18:00±5 мин. по нашему времени, или «в час двенадцатый» – по иудейскому. К иудейским часам надо прибавлять шесть, чтобы получить общепринятое время.

Что касается дней недели, то у евреев нет названий в современном понимании – от понедельника к воскресенью. Все дни определяются порядковым номером по направлению к субботе: «первый день», «второй день» и т. д. до дня, называемого Шаббат (иврит) – дословно «покой»; седьмой день недели. Это относится и к «неделя», которую называют Шавуа (от арамейского «шва», что значит «семь»).

Предисловие. Путешествие из Иерусалима в Эммаус

В тот же день двое из них шли в селение, отстоящее стадий на шестьдесят от Иерусалима, называемое Эммаус; и разговаривали между собою о всех сих событиях.

Евангелие от Луки, 24:13

Их голоса разбудили меня.

– Кажется, я во что-то вляпался.

– Не кажется, а так оно и есть.

Два человека остановились на насыпи напротив моей лёжки. Зарывшись с головой в лопухи, я лежал в сточной канаве: люди не видели меня, а я не видел их. Только слышал.

Раздалось протяжное одиночное «чвак» – и тут же «шу-шу-шу», «шу-шу-шу». Кто-то из них вытянул ногу из коровьяка и стал усиленно вытирать сандалии о траву. Воздух тут же наполнился ароматом свежескошенной травы: запахло коровами, стойлом и парным молоком. Не открывая глаз, я ухмыльнулся, наслаждаясь милыми моему обонянию запахами.

– А знаешь, почему я наступил в эту кучу?

– Нет, – в голосе была ирония, и я уловил это.

– Чудные ты вещи говорил, вот я и наступил.

Я дернул лопатками, отгоняя назойливых мух. Голос был с хрипотцой и явно принадлежал человеку лет сорока – сорока пяти: мне показалось, что я слышал его раньше. Я не мог вспомнить где, но был уверен, что знаю этого человека.

– Зачем ты винишь меня, если сам не смотришь под ноги?

– Я не виню тебя.

– Прости меня, брат Клеопа⁷, что я наговорил на тебя.

– И ты меня прости, брат Лука⁸.

От этих имен я вздрогнул и открыл глаза. Солнечный диск уже коснулся верхушек деревьев, норовя скользнуть за край горы, которая темной громадой возвышалась по ту сторону дороги. Гремевшая накануне гроза не принесла дождя, и лопухи, качающиеся у меня над головой, были покрыты толстым слоем пыли. Пахло жасмином, чабрецом и раздавленными коровьями лепешками, чей запах переманил мух, и они без сожаления покинули меня. Остались только слепни, которые ползали по спине, стараясь прогрызть мою шкуру своими мощными челюстями. Я дернул ушами и с силой хлестанул хвостом по спине, норовя попасть в самую гущу ненавистных мне насекомых. Удар был болезненным из-за того, что попал метелкой в рану. Я прикрыл глаза и ударил еще раз. Крылатые грызуны взвились вверх, но не улетали, держась на расстоянии от рассекающего воздух хвоста.

Дождавшись, когда путники уйдут, я выбрался из канавы и, обойдя перепачканные пучки травы, ступил на дорогу. Мощеная крупным булыжником, она уходила вглубь тенистой кипарисовой аллеи, горбатым мостиком прыгала через мутный ручей, змеей взбиралась на гору и тянулась вдоль склона, на котором были разбиты виноградники. Где-то там за горой был Эммаус⁹ – ничего не значащее иудейское селение, каких были тысячи по всей Палестине, с интересным названием «теплые купальни»: наверное, там был целебный источник.

Зачем я туда шел?

⁷ Клеопа – апостол от семидесяти, муж Марии Клеоповой (одной из жен-мироносиц), родственник Иисуса Христа.

⁸ Лука – евангелист, апостол от семидесяти, врач, художник, впоследствии сподвижник апостола Павла. Автор «Евангелия от Луки» и автор первой иконы Пресвятой Богородицы.

⁹ Эммаус – иудейское селение в 60 стадиях (11 км) на северо-запад от Иерусалима.

Если честно сказать, на этот вопрос я не ответил бы и на Страшном суде. Ну не купаться – уж точно: горячая, булькающая вода – это не для меня. Просто шел – и всё, как будто что-то тянуло или толкало меня в ту сторону. «Иди», – сказал внутренний голос – и я пошел. Суматоха последних дней, шок от пережитого, нервный срыв и несколько часов, проведенных в доме чучельника, доконали меня. Не помню, как вышел на дорогу и, цокая¹⁰, побрел на запад. Где-то на полпути задремал, что и привело к падению в придорожную канаву.

«Сколько же я спал? Часа два, три или больше?» – я посмотрел на восток. Где-то там был Иерусалим: темное небо уже коснулось горизонта, пожирая Вечный город и его окрестности. Я повернул голову на запад: небо только начинало розоветь, освещая нежным багрянцем утопающие в гуще садов крыши деревни Газара¹¹. Селение стояло на склоне горы, над которой черным исполином возвышалась римская сторожевая башня с поникшим штандартом сирийского наместника Помпония Флакка¹².

Солнце неумолимо скатывалось к горизонту, но зной не уходил. Было душно, и час вечерней прохлады откладывался на неопределенное время. Завтра будет ветрено... Глядя на красный диск, я с силой щелкнул челюстью, стараясь поймать и перекусить надоедливую слепню. Тот увернулся и, обиженно жужжа, улетел. Я помахал хвостом, как бы прощаясь со своим ложем, и, стуча копытами по булыжникам, поплелся туда, куда вел меня внутренний голос, и вслед за разбудившими меня путниками.

Я знал их. Я знал их всех. Всех из двенадцати и многих из семидесяти.

Ибо каждый из них шесть дней назад считал за великую честь вести меня под уздцы, когда Господин мой въезжал на мне в Иерусалим.

Четыре ноги – не две, и я без труда догнал тихоходов. Можно было их и обогнать, но я предпочел не привлекать к себе лишнего внимания, стараясь держаться на расстоянии и при этом слышать, о чём они говорят.

– Еще не начало светать, когда женщины наши пошли к гробу, неся с собой смирну и ароматы. Подходят и видят: камень отвален, гроб пуст, а на плите сидит юноша в одеждах лучезарных.

– Я слышал про двух ангелов, – сказал мужчина лет сорока с темными вьющимися волосами и окладистой бородой. На нем была старая потрепанная симла¹³, из-под которой торчала небесно-голубого цвета туника, на ногах заляпанные сандалии, а в руке пальмовая ветвь, служившая ему вместо веера.

– Два или один... Неважно, брат! – чернявый эллин¹⁴ лет двадцати пяти поглядел на своего спутника и тыльной стороной руки вытер струящийся по лбу пот. Накинутый на голову полосатый платок не спасал от жары. Вдобавок ко всему длинная, ниже колен, шерстяная рубашка и темный плащ только усугубляли ситуацию, отчего лоб их владельца время от времени покрывался мелким бисером. – Главное, что Учителя там не было, только пелены и платок – тот, что Иосиф ему на чело положил. Так вот! – он еще раз провел рукой по лбу. – Когда женщины от страха склонились до земли, сказал им ангел: «Что вы ищете живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее¹⁵».

¹⁰ У ослов очень прочные копыта, и подковы не нужны даже в горах.

¹¹ Газара – иудейское селение в 20 стадиях (3,5 км) к северо-западу от Иерусалима.

¹² Помпоний Флакк – в 30–35 гг. н. э. наместник Сирийской провинции, в которую входила Иудея.

¹³ Симла (лат.) – плащ ниже колен: обычно квадратный кусок ткани с прорезью для головы.

¹⁴ Апостол Лука был греком из г. Антиохии (современный юго-запад Турции).

¹⁵ Галилея – историческая области древней Палестины (современный север Израиля).

– Меня тогда не было с вами, а ты был, брат Лука. Расскажи, что Он говорил.

Лука запрокинул голову и многозначительно поднял палец к небу.

– Говорил, что Сыну Человеческому должно много пострадать, и быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками¹⁶, и быть убиту, и в третий день воскреснуть, – он помолчал, кусая пересохшие губы, и посмотрел на своего спутника. – Говорят, его унесли люди первосвященника.

– А другие говорят, что это сделал кто-то из наших.

– Кто говорит? Не сам ли Каиафа¹⁷, отправивший Учителя на смерть?

– Да нет... Петроний¹⁸ и солдаты, бывшие с ним при гробе. Они и сказали, что тело пропало.

– погоди. Ты сказал: «Петроний», – но он же римский центурион, какого рожна он делал в саду Иосифа?

– Охранял.

– Что?

– Гроб... Его сам префект туда назначил по просьбе храмовников.

– То есть мы должны были похитить тело своего Учителя и тем самым лишить себя надежды на воскресение Его. А теперь ответь мне: зачем нам лишать себя веры в то, что Иисус – Сын Божий?

Бородатый обернулся, привлеченный монотонным топотом за своей спиной. Увидел меня – и открыл было рот, чтобы спросить про осла, который тащится за ними на расстоянии пяти локтей¹⁹, но не успел: его пламенную речь прервал всё тот же ироничный голос.

– Скажи, Клеопа, а ты откуда про солдат знаешь? – Лука по-мальчишески быстро нагнулся, подхватил камень и, присев, с отяжкой метнул его в ручей, бегущий параллельно дороге. Камень один раз коснулся поверхности воды и, перескочив на другой берег, юркнул в заросли тростника, спугнув гнездящихся там уток.

– Слышал на рынке, как люди рассказывали, что ученики, придя ночью, украли тело, когда стражники спали.

– И ты веришь в эти бредни?

– Так говорят...

– Послушай, Клеопа, я, например, очень сомневаюсь, что римляне могли заснуть на посту. За такой проступок у них полагается смертная казнь, – Лука провел ребром ладони по шее, демонстрируя, что это за казнь.

– А если им кто сонной травы в вино подмешал? Они же не виноваты...

– Наивный ты. Разве ты не знаешь, что на посту запрещено не только спать, но и пить вино? Это первое. И второе: ты что-нибудь слышал про аресты иудеев и поиски того, кто усыпил солдат? Я, например, не слышал.

– Я тоже.

– А следовательно, никакого похищения не было. И Учитель наш воистину воскрес, как Он и говорил нам, а мы не вняли Ему и не поверили, – Лука отбросил на плечи талес, подставляя лицо непонятно откуда появившемуся дуновению ветерка.

– Оно и сейчас многие не верят.

¹⁶ Книжники – законники, богословы, толкователи Священного Писания, хранители преданий.

¹⁷ Каиафа – в 18–37 гг. н. э. первосвященник Иудеи, возглавил заговор против Иисуса Христа, один из обвинителей, вынесших Ему смертный приговор. Каиафе принадлежит фраза, что лучше, «чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин. 11:48–49).

¹⁸ Петроний – римский центурион, начальник стражи, поставленной возле гроба с целью не допустить кражи тела Иисуса Христа учениками. Известен по апокрифу «Евангелие от Петра».

¹⁹ Локоть – мера длины; римский локоть равнялся 0,44 м.

– Дело в том, что тело пропало, и неважно, украли его или нет. Главное, что после смерти Он не пришел к нам. Нет его нигде, – апостол показал вверх. – Видишь это небо?

– Вижу.

– А облака на нём видишь?

– Нет.

– Вот и я не вижу. Нет Его с нами, и там Его нет. Ни на земле, ни на небесах. А в душе пустота, будто обманули меня или украли что-то, а что украли – не пойму.

Я задрал голову и посмотрел на небо: там не было ни облачка. От горизонта до горизонта простирался чистейший небосвод, даже не подернутый вечерней дымкой. Сумерки еще не тронули долину, в которую мы спускались, а лишь коснулись подножия окрестных гор, кутая их пеленою тумана.

Кажется, мечтам не суждено было сбыться, а так хотелось. Хотелось еще раз Его увидеть, подsunуть голову под теплые ласковые руки, услышать тихий неземной голос. От осознания, что мы не встретимся, я взгрустнул. Уголки глаз намокли, и по щеке скользнула слеза. Я шмыгнул носом и покосился на спины идущих впереди меня людей. Апостолы, занятые разговором, не обращали на меня внимания.

Я прикрыл глаза, повторяя про себя услышанные накануне казни слова Господина моего: «Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю²⁰». Сказал он это Филиппу²¹ и бывшим с ним, но, кажется, они не поняли, о чем Он говорил.

А я понял тогда...

И поэтому зашептал: «Господин, можно мне еще раз увидеть Тебя?.. Ну хоть на полшажка²²...».

Хоть я и осёл, но я особенный: я бы сказал, весьма способный и немножко даже талантливый... Дух тщеславия тут же подхватил меня и приподнял над землей. Мысленно я взлетел выше крон, хотя ногами шел по земле, думая, какой я молодец, гений, талантище, махина с длинными ушами и обвислым хвостом. Встречный ветер пригнал не обрывки, а целую фразу, адресованную мне, хотя Лука говорил её Клеопе.

– И сказал Он: «из сердца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство²³», – Лука протянул руку и, взяв у Клеопы опахало, помахал возле лица.

«Гордость!», – я помотал головой, отгоняя от себя навязчивые мысли. Дух тщеславия лопнул, как мыльный пузырь, и моя хвастливая сущность треснулась о булыжники, которыми была вымощена дорога из Иерусалима в Эммаус. После того как я слетел с небес на землю, пришло осознание собственной ущербности. «Кто я такой? – думал я, тяжело вздыхая. – Тварь в серой шкуре, с заячьими ушами и обвислым хвостом. Хвастливая непарнокопытная скотина, возомнившая себя человеком...»

Протяжный вздох привлек внимание апостолов: они резко остановились, одновременно повернулись и стали меня рассматривать. Пришлось вильнуть в сторону, уходя от столкнове-

²⁰ Ин. 14:14.

²¹ Филипп – один из двенадцати апостолов Иисуса Христа. Как и апостол Петр, жил в Вифсаиде. Был образованным и хорошо знал Священное Писание.

²² В древности не пользовались минутами, а более точное время определялось количеством шагов, сделанным за час ходьбы.

²³ Мк. 7:21–22.

ния. Я сделал вид, что они мне безразличны, сошел на обочину и пошел вдоль неё, обнюхивая скрюченные от засухи листья подорожников.

И тут я увидел Того, Кого люди еще не видели или делали вид, что не видят. На валуне сидел человек в белом хитоне. Он улыбался, источая свет и невероятную благодать, настоящую на радости и любви.

«*Хозяин!* – я подпрыгнул и кинулся к нему. Будь я скакуном, про меня бы сказали: «Он летел по полю быстрее ветра, приминая грудью буйные травы», – но я был ослом и единственное, что я мог – взбрыкнуть от радости задними ногами, подкинув отяжелевший зад, и затрусить к сидящему на камне человеку. – *Ты жив!*», – кричал я, оглашая окрестности свои однообразным иаканьем. Душа – а она, кстати, у нас тоже есть, пусть и не такая, как у людей – наполнилась радостью и умилением. Морда расплылась в улыбке, показав миру два ряда великолепных желтых зубов.

Господин протянул руку – и я уткнулся носом в его теплую ладонь. Она пахла пресным хлебом, горькими травами и... овсом. От неожиданности я дернул головой. На ладони на самом деле лежала горсть крупного ядреного овса. Откуда? Еще мгновение назад там ничего не было...

– Ешь. Ты устал и проголодался, а мне надо поговорить с двумя мужами, несмышленими и медлительными сердцем, которые, в отличие от тебя, меня не узнали и будут рассказывать мне мою же историю²⁴, – Он встал и, отряхнув ладони, ссыпал на землю целую мину²⁵ овса, чем вызвал у меня неопишуемую радость.

Поджидая, пока подойдут апостолы, я ворочал челюстями, не спуская глаз со своего Господина. Доедал и думал: воистину пути Его неисповедимы. Кто же знал, что мы встретимся на дороге в Эммаус? Лично я не знал, а Он – знал и ждал. И в Иерусалиме – это Он, подталкивая меня в спину, буквально выгнал из города, в котором из меня хотели сделать чучело, чтобы выставить на всеобщее обозрение с табличкой на шее «Конь Царя Иудейского».

²⁴ По дороге в Эммаус апостолы Лука и Клеопа встретили воскресшего Иисуса Христа и, не узнав Его, стали рассказывать Ему события прошедших дней (Лк. 24:13–25).

²⁵ Мина – единица массы, равная 610 г, а также счетно-денежная единица.

Часть 1. От дня первого до дня шестого

*...ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа.
Евангелие от Иоанна 1:17*

Восьмое нисана. День первый (воскресенье)

Глава 1. Все проблемы – от ума

Многие из Иудеев узнали, что Он там, и пришли не только для Иисуса, но чтобы видеть и Лазаря, которого Он воскресил из мертвых.

Евангелие от Иоанна, 12:9

Вифания²⁶ – деревня моего детства, мой дом, моя колыбель. Я не помню, как родился и вообще как явился в мир, помню лишь яркий свет, качающуюся перед глазами землю и трясущиеся ноги, на которых я еле стоял. Помню чье-то тепло, чей-то живот или бок: наверное, это была моя мама. Помню шершавый язык, вылизывающий мою спину, первые робкие шаги – и всё ту же качающуюся землю, которая постепенно стала обретать черты: мощный двор, ясли из цельного камня, колода с мутной водой, сноп сена и мелкий моросящий дождь, стучащий по крыше загона. Это всё, что я помню о своем рождении. Да еще роскошная финиковая пальма, росшая во дворе.

С тех пор прошло два года.

Я возмужал, окреп, и моя шерсть стала дымчатого цвета. На меня еще ни разу не надевали ярмо, так что к работе я был не приучен. Я не таскал за собой плуг, не катал арбу и не возил мешки с мельницы, но я чувствовал в себе силу и знал, что свободно могу перевезти взрослого мужчину и еще две полных амфоры²⁷. То ли хозяин двора, где жили мы с матерью, что-то задумал, то ли его жена, но меня берегли, и единственным моим развлечением было гонять воробьев по двору и слушать мудрецов, иногда заходящих к нам во двор, чтобы отдохнуть в тени дерева.

Я был полноправным гражданином Иудеи – вместе с людьми соблюдал праздники и посты: не работал в субботу и не ел нечистой пищи. Я знал свои права и мог за себя постоять: лягнуть, толкнуть и даже укусить, как и все твари, которых создал Господь. Единственное, что я не делал – не говорил в том виде, как это делают люди, но зато всё понимал – как люди, которых тоже создал Господь!

Раз в неделю, в первый день наступившей седмицы²⁸, сразу после восхода солнца я выходил со двора, доходил до пограничного столба, у которого начиналась Вифания, встречал рябого коэна²⁹ и его спутников и провожал их до пограничного столба, за которым селение кончалось. За свой недостаток³⁰ священник был лишен права участвовать в храмовом служении и по жребию был назначен старшиной Палаты масла, а потому в силу своих должностных инструкций обязан был регулярно пополнять запасы масла для светильников, которые никогда не должны потухнуть.

Утром храмовники шли на маслобойню, стоящую у подножия Масличной горы³¹, неся пустые кувшины, а в полдень возвращались обратно с кувшинами, наполненными до самых краев пахучим оливковым маслом. Они всегда останавливались у нас. Садись на скамью в

²⁶ Вифания («дом фиников») – селение в 15 стадиях (2,8 км) от Иерусалима, на восточном склоне Масличной горы.

²⁷ Амфора – мера объема жидких тел, равная 26,03 л.

²⁸ Седмица – семь дней, или неделя.

²⁹ Коэн – священник. Священниками могли быть только прямые потомки Аарона по мужской линии.

³⁰ Священник, имевший дефекты на теле, не допускался до служения в храме.

³¹ Масличная, или Елеонская, гора – трехглавая гора, тянущаяся с севера на юг параллельно Иерусалиму и отделенная от него Кедронской долиной.

тени пальмы и, пережидая полуденный зной, попивали вино, закусывая фруктами и лепешками. Коэн пересчитывал деньги; левит³², желавший стать законником, вслух читал книгу, а юноши забавлялись тем, что откровенно заигрывали с молоденькими девушками, приходящими к колодцу.

Что делал я?

Слушал.

Прошлый раз левит читал про Адама. Читал – и всё время спрашивал у священника: «А знаешь почему?», чем сбивал того со счета.

– А знаешь, почему Бог создал первого человека единым? – спрашивал левит, задумчиво прикрывая глаза.

– Знаю! – бурчал коэн.

Но левит не слушал его и продолжал:

– Чтобы показать, что губящий одну душу израильскую считается как бы погубившим целый мир, а сберегший одну душу из Израиля считается как бы сберегшим этот мир³³.

– Да знаю я, знаю, – кипятился коэн, отчего в его мозгу цифрам уже не было места и приходилось начинать заново.

– А знаешь, почему Бог создал Адама единым? – не унимался левит и, не дожидаясь ответа, говорил: – Дабы один не говорил другому: «Мой предок выше твоего предка». А знаешь, почему Бог создал Адама единым? Чтобы праведники не говорили: «Мы сыновья праведника», – а грешники не говорили: «Мы сыновья грешников». А знаешь, почему Бог создал Адама единым? Чтобы каждый мог сказать: «Ради меня создан мир». А знаешь, почему...

Рябой аж затрясся, зажмурил глаза.

– Бог создал Адама единым, – смуглый, курчавый гадоль³⁴ лет пятнадцати опередил левита и улыбнулся, показав миру свои белоснежные зубы.

– Ты не угадал... и с тебя пол-обола³⁵, – левит не был бы евреем, если бы не нашел, чем парировать прыть юнца. – Я хотел сказать: «Создал его последним!». Так что плати.

– Мы ни о чем не договаривались.

– Тогда динарий³⁶ за то, что прервал меня, когда я объяснял Святое Писание.

– И мне, – потомок Аарона оторвался от подсчета монет, сгреб их в ладонь и стал расковыривать по кармашкам.

– А вам-то за что?

– Ты сбил меня со счета, и Храм³⁷ понес убытки, – впервые священник радостно ощерился и посмотрел на левита. – Так почему Он создал его последним?

– А чтобы, если возгордится, сказать ему: «И моль была до тебя».

– Понял, неуч? – коэн и левит хохотнули, поглядывая на поникшего ученика, который, между прочим, приходился племянником хозяйке двора, в котором они останавливались.

³² Левиты – священнослужители, охраняющие порядок при богослужении; руководили народом при жертвоприношениях, пели псалмы, составляли почётную храмовую стражу. Потомки Левия, но не Аарона.

³³ М. Т. Санн. IV:5.

³⁴ Гадоль (иврит) – юноша, подросток.

³⁵ Пол-обола – ½ обولا, медная монета в Палестине. За пол-обола можно было купить 0,5 кг говядины.

³⁶ Динарий – серебряная монета в Римской империи (I век н. э.). Динарий равнялся 8 оболам. Один динарий – суточная плата римского легионера.

³⁷ Авторское написание с заглавной буквы связано с тем, что Иерусалимский храм был единственным иудейским храмом, а языческих храмов на территории Иудеи не было вовсе, поэтому слово «Храм» для иудея было равнозначно имени собственному. Кроме того, Храм для иудеев – священное место. Со строчной буквы слово будет писаться в тех случаях, когда о храме говорят язычники (римляне), не испытывающие перед ним особого религиозного трепета.

Вот и сегодня, в девятый день месяца нисана, за шесть дней до праздника Пасхи, я стоял во дворе и наблюдал, как к деревне, пыля и изнывая от жары, приближались служители храма. Четыре человека шли вдоль восточного склона Масличной горы: два талмида³⁸ с глиняными кувшинами на плечах, левит с ящиком для книг и коэн, не обремененный ничем, за исключением четок и высокой головной повязки молочного цвета, напоминающей по форме скрученный стог сена.

В отличие от учеников, одетых в короткие шерстяные туники, служители были в длинных белых льняных рубахах до пят, а коэн еще имел и красный плащ, перекинутый через плечо. Вокруг талии священника был намотан цветной платок, под который он прятал кожаный пояс со множеством карманчиков для мелкой монеты, взятой из храмового ящика, что стоял там для пожертвований.

Земля уже прогрелась после холодной весны, так что талмиды топали босиком, а вот на рябом и его товарище были сандалии, причем у коэна с кожаной, а у левита с деревянной подошвой. Все они были иудеи, но это не давало им равноправия. Священник шел впереди, левит – чуть приотстав от него, а далее, но не менее чем в десяти локтях от них, тащились талмиды, сгорбившись под тяжестью кувшинов весом в пол-амфоры каждый.

Храмовники возвращались с маслобойни. Сегодня они ходили туда с инспекцией и распоряжениями насчет оливкового масла, которым в дни праздника предстояло освещать Иерусалимский храм, а заодно прикупить масла на текущую седмицу. Несмотря на то что пресс принадлежал храму, за масло приходилось платить. Я знал об этом, как и то, что рябой всегда выторговывал себе скидку. Масло обходилось ему по цене самого дешевого галилейского вина, пол-обола за литр, а продавал он его в храме по полтора обولا. Учитывая, что в каждый кувшин вмещалось больше ведра, можно посчитать, сколько он и его покровитель – тесть первосвященника – имели с одной такой ходки; при этом надо учесть, что овца на базаре стоила шесть оболлов.

Спросите, откуда я всё это знаю?

Скажу про себя, не таясь: немного ученый, в меру воспитанный, самодовольный, алчный, похотливый, грубый, вороватый, нетерпеливый, завистливый, задиристый, драчливый, упрямый, а самое главное – с хорошим слухом. Одним словом – ушастый сельский интеллигент, живущий в деревенской глуши – в часе неспешной ходьбы от Иерусалима.

Я не слышал начало их разговора, но по сосредоточенному лицу коэна и возбуждению левита понял, что первый пытается сосчитать выручку, а второй что-то декламирует ему из Писания.

– Кто привел других к добрым делам, тому свыше не дают возможности совершить грех, дабы он не спустился в преисподнюю в то время, как его последователи унаследуют век будущий, как сказано: «...ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление». А кто вводит других в грех, тому не дают возможности раскаяться, дабы последователи его не спускались в преисподнюю, в то время как он сам унаследует будущий век, как сказано: «Человек, виновный в пролитии человеческой крови, будет бегать до могилы³⁹».

– Как это? – машинально спросил коэн, сосредоточенно складывая цифры у себя в голове.

– Совершившему доброе не дадут совершить злое. А совершившему злое не дадут раскаяться.

– Благословен Господь! – коэн прикрыл глаза, не отрываясь от умственного счета.

– Благословен Он! – застонали талмиды, изнемогая под тяжестью кувшинов.

С этими словами все четверо вошли к нам во двор. Юноши поставили кувшины возле дома и побежали за угол.

³⁸ Талмид (иврит) – «ученый не полный»; ученик, не закончивший обучение.

³⁹ М. Т. Ав. XL (цитаты внутри реплики – Пс. 15:10; Прит. 28:17).

– Эй, хозяин, неси вино! – крикнул рябой, садясь за стол и приглашая левита присоединиться.

Из дома выскочил человек и метнулся к винному погребу.

– Ну и жара, – коэн приподнял головной убор и краем платка вытер струящийся по лбу пот.

– И это только начало, – левит посмотрел на безоблачное небо и перевел взгляд на талмидов. – Мочиться у чужой стены можно не иначе как отступив на три ладони, если стена кирпичная, и на ладонь, если она каменная, если же она высечена в скале, то дозволено не отступать⁴⁰, – он любил сыпать цитатами из книг, особенно если это касалось поучения других.

– Я отступил, – один из юнцов шагнул чуть назад, забрызгав себе ноги.

– Стена каменная, – второй опустил край рубахи и подошел к столу.

– Кирпичная, – левит не любил, когда с ним спорят.

– Разве кирпич не камень, а дерево не растение? – это был племянник хозяйки – тот самый, что прошлый раз влетел на два динария. Не знаю, выплатил ли он долг или нет, но, похоже, наука не пошла ему впрок.

– Ты смотри, какой умный, – левит покачал головой и повернулся к коэну. – Кто он и где ты нашел его, друг Суммас?

– Это Иов, сын Иосифа плотника, чей дом у Рыбных ворот⁴¹. А его тетка – жена горшечника, в чьем дворе мы с тобой сидим, – коэн принял запотевший кувшин из рук хозяина и взмахом руки отослал того прочь. Прежде чем удалиться, хозяин сбегал на кухню, принес четыре кружки, поднос с сушеным инжиром и лепешками, после чего сложил руки на груди, поклонился и, пятясь задом, скрылся в доме. – Отец просил пристроить его в учение, вот я и взял его к себе. Счет знает, писать умеет, что еще надо?

– Надо Тору⁴² почитать, завещанную Моисеем сынам Израиля.

– Читаю, почитаю, посты соблюдаю, – Иов сел рядом с левитом и подвинул к нему свою кружку. От такой наглости левита перекошило, и он решил проучить мальчишку.

– Твой отец – тот человек, который починил колесницу римского амара⁴³?

– Да! – гадоль радостно кивнул, гордясь, что его отца все знают.

– Тот, который достоин побития камнями за то, что услужил язычнику? – левит был в своем ампула: твердый и неумолимый к недругам Торы и хитроватый во всём, что касалось лично его.

– Нет, тот, который отвел беду от иудеев, строивших дорогу из Вефиля⁴⁴ в Иерусалим, – юноша, об отце которого шла речь, прожег левита взглядом.

– Благословен Господь, избавитель Израиля! – левит отвел глаза, воздев руки к небу.

– Благословен Создающий плод лозы⁴⁵! – подхватил коэн и влил в себя полную кружку вина. Одобрительно крякнул, после чего провел ладонью сверху вниз, поглаживая клиновидную бороду.

– Благословен Он! – зашептал второй талмид, косясь на своего товарища, который молчал, закусив губы.

А Иов ничего, крепкий орешек. Он начинал мне нравиться. Я видел, как от прихлынувшей крови зарделись его щеки – гадоль сжал кулаки, готовый принять брошенный ему вызов.

⁴⁰ М. Т. Б. Б. II:1.4.

⁴¹ Рыбные ворота – городские ворота в северной части Иерусалима, в предместье мастеровых; рядом с воротами был рыбный рынок.

⁴² Тора – «учение, закон» (иврит). Торой называют Пятикнижие Моисеево.

⁴³ Амар (иврит) – начальник в ранге заместителя; тем самым подчеркивается, что префект Иудеи подчинялся наместнику Сирийской провинции.

⁴⁴ Вефиль – небольшая деревня в 95 стадиях (18 км) к северу от Иерусалима.

⁴⁵ Славословие, читающееся над вином.

То, что он помочился на угол дома – так с кем не бывает: и кот наш блудливый так делает, и пес хозяйский, а мы с волом так вообще во дворе дуем.

Чтобы не выдать своего любопытства, я покрутился на месте и стал подбираться к ним бочком, демонстративно разглядывая лицо и людей, собирающихся возле колодца.

– Четырех родов бывают ученики, сидящие пред мудрецами, – левит начал издали, – губка, воронка, цедилка и сито. Воронка – ученик, у которого всё входит с одной стороны и выходит с другой: слышащий, но не запоминающий. Губка, вбирающая всё, – ученик, который всё слышит, помнит, но излагает в беспорядке. Сито, отбирающее кемах от солета, а солет от отрубей⁴⁶, – ученик, который слышит учения, всё помнит, но излагает каждое отдельно. Цедилка, отбирающая гущу, – ученик, который входит в школу, и если слышит Мидраш, Галахи и Агаду⁴⁷, то, выходя, не помнит ничего, а если слышит пустые речи, то их помнит. Вот и ответь мне, кто ты: воронка, цедилка, губка или сито?

– Зачем тебе это? – буркнул Иов, понимая, что примирения уже не будет и левит превратился в его недруга.

– Я думаю, цедилка... Только пустые речи ты и запомнил, а истинного учения не понял, и не дано тебе понять. Кто обладает тремя качествами добродетели – принадлежит к ученикам отца нашего Авраама⁴⁸, а кто обладает другими тремя качествами – принадлежите к ученикам нечестивого Валаама⁴⁹.

Гадоль посмотрел в сторону колодца и встал.

– Слушаю я тебя и удивляюсь. Сначала ты говоришь «белое», а потом «черное», – Иов поднял свою кружку и демонстративно вылил вино на землю, – этот достоин побития камнями, а этот удушения, тот сожжения, а другой усечения мечом. И при этом говоришь: человек согрешил раз, второй раз и третий раз – ему прощают; но если он согрешил в четвертый раз, то ему не прощают. И добавляешь: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу. И следом говоришь: согрешу и раскаюсь, согрешу и раскаюсь. Иной отвечает и за убытки, причиненные им самим, и за убытки, причиненные его волом или ослом, а иной не отвечает ни за убытки, причиненные им самим, ни за убытки, причиненные его волом или ослом, – кучерявый зачем-то посмотрел на меня и подмигнул.

Странно, я ему, вроде, ничего не должен.

– Что ты этим всем хочешь сказать, цедилка? – вино ударило в голову, и левит стал задираться.

– Сказано древними: «Наглый – в геенну, а скромный – в рай⁵⁰». Вы же забыли истинное Писание и проповедуете веру, которая вам мила, и толкуете на всех углах: «Если какая душа согрешит против заповедей Господних и сделает что-нибудь, чего не должно делать, пусть представит из крупного скота тельца без порока, Господу в жертву о грехе. А если всё общество Израилево согрешит по ошибке и скрыто будет дело от глаз собрания, то, когда узнан будет грех, пусть принесут тельца в жертву за грех. А если согрешит начальник и сделает по ошибке что-нибудь против заповедей Господа Бога своего, чего не надлежало делать, и будет виновен, то, когда узнан будет грех, которым он согрешил, пусть приведет он в жертву козла без порока⁵¹...» А если не узнан грех будет, так и не виновен никто...

– Пошел вон! – не сдержавшись, служитель храма метнул в юношу глиняную кружку.

⁴⁶ Кемах, солет, отруби – результат просеивания муки, от тонкого помола к грубому.

⁴⁷ Мидраш, Халахи, Агада – нормативно-правовые разделы устной и письменной Торы.

⁴⁸ Авраам (XXI–XX вв. до н. э.) – библейский патриарх, живший после Всемирного потопа. Родоначальник еврейского народа. Скончался в возрасте 175 лет.

⁴⁹ Валаам – прорицатель из города Пефор, склонный за плату на преступления против Бога и людей. Давал моавитянскому царю Валаку советы по истреблению израильтян, за что был впоследствии убит.

⁵⁰ М. Т. Ав. V.

⁵¹ Лев. 4:2–23, с сокращениями.

Иов увернулся, пропуская мимо себя корчажку, которая с треском разлетелась, ударившись о каменный вал.

– Уйду! Но мне кажется, ты запутался и сбиваешь народ с истинного пути. Ибо нельзя учить тому, чего делать не полагается, и нельзя согрешивших в малом наказывать больше, чем согрешивших в большем.

Коэн был против такого поворота событий. Во-первых, он терял способного ученика и, что бы ни говорил левит, лично он был юношей доволен. Во-вторых, кто понесет кувшин с маслом? Чтобы нанять носильщика, нужно платить, а это не входило в планы старшины. Да и тесть первосвященника не обрадуется, узнав об убытках. И, в-третьих, их уже никогда не будут привечать в этом доме.

– Сегодня не День искупления⁵² и грехи, совершенные пред лицом Господа, не прощаются, а проступки, совершённые пред ближним, прощаются лишь после того, как получишь прощение от ближнего. Примеритесь, ибо негоже двум иудеям встретить Пасху неочищенными.

Только сейчас левит сообразил, что натворил. Если бы не свидетели, он мог бы скрыть этот грех, но ставшее ведомым двум станет ведомо всем. От этой мысли его передернуло, и он пошел на попятную.

– С чего ты взял, что я так говорил? – голос стал ласковым, словно между ним и Иовом ничего не произошло.

– Ты не говорил, ты учил: «Кто съел от пасхальной жертвы кусок величиною с оливку недопеченным или тушеным, или сваренным – подлежит наказанию; а если кто вынес кусок величиною в оливку из одного дома в другой дом во время, на назначенное для еды, подлежит наказанию⁵³».

– Так сказано в Писании: «...не выносите мяса вон из дома⁵⁴», – левит скрипнул зубами.

– А вот он, – Иов показал на человека в белых одеждах, сидевшего возле колодца в окружении людей, – говорит, что всякий грех простится человеку.

– Он богохульствует. Кто он такой, чтобы прощать грехи?

– Сын Бога живого, который имеет власть на земле прощать грехи. Тот, кто накормил пятью хлебами и двумя рыбами пять тысяч человек, и тот, кто оживил Лазаря, живущего на соседней улице.

От этих слов я сжался и боязливо посмотрел в сторону колодца. За сгорбленными, запыленными спинами людей нельзя было разглядеть того, на кого указывал юноша. Что видел он с высоты человеческого роста, то не дано было видеть мне с моего ослиного места, но меня поразило другое – с каким вниманием собравшиеся слушали Того, о ком говорил Иов. Воистину там сидел имеющий власть над людьми и миром. Уши мгновенно повернулись в сторону улицы, и я уловил тихий, ласкающий слух голос:

– ...Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас⁵⁵...

Не отдавая себе отчет в том, что делаю, я машинально двинулся вслед за юнцом, открывшим калитку и уже вышедшим на улицу. Я был во власти голоса – во власти волшебной флейты, собирающей в стадо своих овец.

Как бы я хотел быть Его овцой! Но, увы, я осёл...

⁵² Йом-Киппур – праздник всепрощения, покаяния и отпущения грехов («День искупления», «Судный день»). Отмечается в десятый день месяца тишрей (приблизительно сентябрь-октябрь).

⁵³ Т. М. Мак. III.

⁵⁴ Исх. 12:46.

⁵⁵ Мф. 5:9–12.

– Держи осла!

Этот крик ввел меня в ступор. «Зачем меня держать?», – пока я переваривал эту мысль, второй талмид схватил меня за уши и потащил во двор.

– Оставь его! – голос горшечника вернул меня к жизни.

«Как уши больно!», – я захрипел и мотнул головой, норовя сбросить юнца с шеи. Не отпуская моих ушей, он навалился на меня всем телом, зажал шею локтем, уперся ногами в землю и стал пятиться, пытаясь затащить меня во двор.

– Он не подъяремный, – хозяин пытался объяснить храмовникам всю ничтожность их затеи, но его никто не слушал.

– Ерунда, доведет.

Только сейчас я увидел, с какой поспешностью левит и коэн обматывают горлышки кувшинов пеньковой веревкой.

– Не надо, он не обучен, – причитал хозяин, бегая вокруг них. – Побьет ведь горшки ваши. Кто за всё платить будет?

– Ты и заплатишь, – рыкнул левит.

– Я права свои знаю, – хозяин отвернулся от левита и закричал в сторону колодца. – Эй, люди! Если спросят вас в суде, подтвердите, что я сказал им, что осёл не подъяремный. А они не слушают меня и хотят нагрузить на него два полных кувшина масла.

Люди повернулись в нашу сторону, молча наблюдая, как священник с левитом пытаются повесить мне на спину два кувшина, связанных одной веревкой.

– На счет «три», – сказал левит. – Раз, два, три...

Служители медленно подняли кувшины и так же медленно подошли ко мне.

– Тихо, тихо, – уговаривали они меня, – вот так, хорошо, опускай!

Волосатая тварь коснулась моего хребта, а толстые глиняные клешни охватили меня с двух сторон, сдавив ребра. Я взвыл, огласив окрестности безумным ревом: «Иаааа!!!». Истошный крик заставил талмида отпустить мои уши и прыгнуть в сторону.

Почувствовав свободу, я кинулся со двора, не разбирая дороги. Волосатое чудовище грызло мне спину, толстыми ногами било по бокам, разрезало кожу и, словно пила, перетирали мой хребет. Но недолго – лишь до калитки, которую я проскочил. А вот кувшинам не повезло. Ударившись о столбы, они разлетелись мелкими, блестящими на солнце черепками, заливая двор пахучим оливковым маслом.

– Муад⁵⁶, – орал коэн, считая, что ему должны оплатить убыток полностью.

– Там, – вопил левит, считая, что надо оплатить только половину.

Но я знал, что не виновен и платить никто не будет.

Глава 2. Слепой сотник

...ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить.

Евангелие от Матфея, 7:2

Лонгин, прищурив глаза, обвел взглядом окрестные горы: они парили. Солнце неумолимо припекало, вытапливая из камней ночную прохладу. В глубоких расщелинах еще висел туман. Несмотря на раннее утро, покрытые красноватым налетом, остроги Иудейских гор, представляли собой раскаленную сковороду, не давая шансов ни одному растению закрепиться

⁵⁶ Существовало два вида убытков, понесенных от домашних животных: «муад» – плата, равная полной стоимости убытка; «там» – плата, равная половине стоимости убытка.

на горных склонах: только голые скалы, изрезанные уступами, составляли основу этого мрачного ландшафта.

Сотник родился в Каппадокии – римской провинции, что лежала в четырех тысячах стадий на север от Палестины. Эллин по крови, волею случая попавшим в римскую армию, и за тридцать лет дослужившимся до центуриона. Несмотря на возраст —, а было ему за сорок – он отличался подвижностью и крепко сбитой фигурой. Невысокого роста, со смуглой кожей и очень выразительными глазами, вечно прищуренными из-за нетерпимости к дневному свету: сотник страдал катарактой⁵⁷, и яркий свет причинял ему неудобства и душевную боль. Стоило поймать солнечного зайчика, как мир начинал мерцать и двоиться, расплываясь радужными пятнами вокруг факелов, горящих свечей и лампад.

В такие минуты хотелось выть, руки непроизвольно сжимались в кулаки, которыми он начинал тереть глаза – и от этого еще больше разгорались огни, затягивая всё переливающейся пеленой. Только прохладная вода могла снять мерцание, но радужные пятна держались еще несколько дней, до конца не рассасываясь и продолжая занимать до трети видимого пространства.

С какого времени он стал терять зрение, сотник не знал, но его дружок и заместитель Руфус, прозванный Рыжим Галлом, был склонен считать, что с битвы в Тевтобургском лесу⁵⁸. Именно там Лонгину врезали каменным молотом по голове. Череп не пробили, но шлем смяли так, что гребень перестал существовать, расплющившись по всей поверхности. Шлем восстановлению не подлежал, и его пришлось выбросить, а копейщик Лонгин три дня пролежал в лагере без сознания. Тогда ему было девятнадцать лет, и, оклемавшись, он еще долго тёр глаза, пытаясь избавиться от неприятной рези. С тех пор утекло много воды и столько же было пролито крови. Резь прошла, но с каждым годом он видел всё хуже и хуже.

Не вставая с войлочной подстилки, Лонгин растянул ремень, снял с головы шлем и, завернув в рогожу, положил рядом с собой. Накинув капюшон плаща на голову, сотник повернулся на другой бок, звякнув о камни притороченным к поясу мечом. Рядом лежал Руфус, декурион⁵⁹ первой турмы – тот самый Рыжий Галл, что вынес Лонгина на себе из злополучного леса. Рыжим его прозвали за цвет волос, покрывавших его с головы до ног, а Галлом – за огромный рост и необычайную силу, хотя он был гражданином Рима и к кельтам не имел никакого отношения.

– Чтобы не нагрелся, – сказал сотник, когда рыжий недоуменно окинул его взглядом. Галл кивнул и промолчал, хрустя высохшей травяной былинкой. Зная о болезни командира, он не сводил взгляда с ущелья.

Два эскадрона из сотни Лонгина второй день стояли у Тухлого ручья, поджидая идущий из Масада караван, который должен был послужить наживкой. Три месяца центурион и его люди гонялись за разбойниками, грабившими купцов, паломников и путников в этих местах.

И, кажется, удача им улыбнулась.

Пять дней назад сотник послал двух прозелитов⁶⁰ в Хеврон, чтобы они на постоялом дворе, напившись вина, рассказали, что перед праздничной неделей жители идумейских городов пошлют собранные общиной сикли в Иерусалим – как пасхальную жертву. Захмелев, один из подосланных поманил слушателей к себе, подмигнул человеку с обезображенным шрамом лицом и, понизив голос, сказал:

⁵⁷ Катаракта (катарактос) – болезнь глаз, известная еще в древнем Египте и древней Греции.

⁵⁸ Битва в Тевтобургском лесу – сражение в 9 г. н.э. между германцами и римской армией, окончившееся полным разгромом римлян.

⁵⁹ Декурион (лат.) – командир декурии (в кавалерии), отделения в 10 человек. Три декурии составляли одну турму, которой тоже командовал декурион.

⁶⁰ Прозелит – язычник, принявший иудейскую веру.

– Хорошо было бы эти денежки прибрать к рукам – так сказать, сделать им теруму⁶¹, – прозелит хохотнул и, оттолкнувшись от стола, свалился с лавки на грязный заплыванный пол, изображая из себя мертвецки пьяного, как того и требовал Лонгин. А его товарищ, сидевший в темном углу, дождался, когда человек со шрамом выйдет на улицу, и пошел за ним. Была темная ночь, страх сковал сердце шпиона, но и того, что он узнал, хватило сотнику, чтобы привести к Тухлому ручью две турмы 2-й когорты VI Железного легиона⁶².

В иудейской деревне на противоположной стороне хребта затрубили в рог, призывая всех на послеполуденную молитву. Наступал час «Минхи»⁶³ – время дневной молитвы у евреев.

– Сейчас затянут, – Руфус вынул пробку из бурдюка, хлебнул теплой болотной воды. Сморщился и протянул Лонгину. Тот отрицательно покачал головой и, приподнявшись на локте, стал смотреть в сторону лагеря.

Пастухи выбрались из шалаша, стоявшего недалеко от римских палаток, повернулись лицом на север, в сторону Иерусалима, и запели Амиду⁶⁴.

Заскучав, Руфус разровнял ладонью мелкие камешки, воткнул между них сухую былинку и очертил пальцем вокруг этой конструкции. Тень короткой полоской легла на землю, указывая на то, что после полудня прошло около часа.

– Можно не проверять, часы у них – вот здесь, – сотник постучал себе по голове.

Один из евреев сильным, поставленным голосом вскричал: «Господи! отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою⁶⁵». Остальные подхватили – и по долине понеслось: «Благословен Ты, Господи, Боже наш, Бог предков наших, Авраама, Исаака и Иакова, Бог великий, всесильный и грозный, Бог всевышний, творящий благодеяния, владеющий всем, помнящий заслуги предков и посылающий спасителя их потомкам⁶⁶». Лонгин нахмурился: не хватало еще, чтобы разбойники открыли их стоянку. Махнул вестовому, лежавшему недалеко от них, подзывая к себе.

– Иди и скажи им: пусть заткнутся, – и он показал пальцем на поющих. – Воют так, что всех шакалов в округе распугали.

Галл высморкался и поднялся, опираясь руками на раскаленные камни. От долгого лежания затекли мышцы, и надо было срочно размять их, а заодно и справить нужду. Дидурион посмотрел на легионера, аккуратно спускающегося по склону и орудующего копьем, словно посохом, потоптался и подошел к краю утеса, нависающего козырьком над ущельем, по дну которого тек ручей, пахнувший тиной и серой. Где-то там, дальше к югу, за грядой холмов, начиналась Иудейская пустыня: царство ветра, пыли и потрескавшихся камней.

В лагере заблеяла коза, и Руфус спросил:

– Скажи мне, Гай, это правда, что у иудеев даже скотина виновата и подлежит наказанию, а вор, крадущий вещи, – не виновен, а человек за разжигание огня в субботу – виновен и будет подвержен казни?

– Правда, – Лонгин подпер подбородок рукой и посмотрел на Галла. В глазах не было четкости: стоящий перед ним декурион терял контуры, превращаясь в размытое пятно. Сдерживая себя, центурион коснулся пальцами висков, сжимая череп. На минуту прикрыл глаза, моля своих богов: Эскулапа-врачевателя, богиню здоровья Салюс и Марса-воителя, – чтобы те послали ему исцеление. За такой дар он готов был принести им любую жертву...

⁶¹ Терума (иврит) – обряд вынимания денег из храмового казначейства для надобностей общественных жертв.

⁶² Легион – войсковая единица в римской армии: в I веке н. э. численность легиона составляла 5–6 тыс. чел.

⁶³ У иудеев есть три вида молитвы: «Шахарит» – утренняя молитва, «Минха» – дневная или послеполуденная молитва и «Маарив», или «Аравит», – вечерняя молитва.

⁶⁴ Амида («стояние») – главная молитва в иудаизме. Состоит из восемнадцати благословений и одной строки 18-го псалма.

⁶⁵ Пс. 50:17.

⁶⁶ Текст молитвы из «Амиды» – первое благословение: «Праотцы».

– Так что там со скотиной? – Рыжий справил нужду и вновь повернулся к сотнику. Он знал, что Лонгин, как говорят, «познал Иудею»: изучил язык, общался с книжниками, читал Тору, помнил наизусть Псалмы и даже мог кое-что объяснить в запутанной и мудрёной жизни евреев.

– Если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями и мяса его не есть, а хозяин вола не виноват; но если вол бодлив был и вчера, и третьего дня, и на него свидетельствовали при хозяине, но тот не стерег его, а вол убил мужчину или женщину, то вола побить камнями и хозяина предать смерти. А вот если вол забодает раба, то господину их надо заплатить тридцать сиклей серебра, а вола всё равно побить камнями.

– Варвары! – ординарец Лонгина, дакиец Альва, сплюнул себе под ноги.

На что сотник тут же отреагировал:

– Стоя в частной области, нельзя мочиться в область общественную и наоборот, и плевать нельзя из частной области в общественную и наоборот. Ибо говорят мудрецы: у кого образовалась во рту слюна, тот не имеет права сплюнуть её, прежде чем не отойдет на четыре локтя.

– А из частной в частую?

– Об этом в их книгах ничего не говорится.

– Значит, можно, – Альва набрал в рот слюны и смачно харкнул со скалы.

– Там область общественная, – пошутил кто-то из легионеров.

– Будет тебе мэмаг тэмут за это, – сказал Лонгин и улыбнулся.

– Что?

– По-арамейски это значит: предадут тебя смерти.

Солдаты, сидевшие на скалах, прыснули, не сдерживая смеха.

– Тихо, – Рыжий поднял руку, пресекая всякое движение. Он чуть подался вперед, всматриваясь вдаль. – Я вижу клубы пыли, – Галл показал на горизонт.

– Это караван, – Лонгин приподнялся, всматриваясь туда, куда показывал Руфус. – Всем смотреть... Ищем второй столб пыли.

– Вот они! – декурион первым увидел второй столб, который, по всем законам набегов, двигался навстречу первому.

Несмотря на туман в глазах, сотник разглядел, как у подножия скалы, на которой он лежал, за клубилась столбик пыли, стремительно уходящий в сторону каравана.

– Пора, – Лонгин вскочил, зацепив ногой рогожу. Шлем кувыркнулся, сорвался в пропасть и, глухо стуча о выступы скал, полетел вниз. – Неуклюжий! – сотник выругался, досадую на свою нерасторопность. Но сейчас было не до шлема, и он рванул вниз, к стреноженным лошадям, практически интуитивно сбегая по склону. Галл, увлекая легионеров, кинулся за командиром, скользя по разбегающейся под ногами гальке.

Все было кончено быстрее, чем Лонгин крикнул: «Именем Цезаря!». Из пятнадцати бандитов вырвать живыми он смог только двоих.

А могло быть всё иначе...

Увидев всадников, закутанных в черные хабары⁶⁷, с пиками наперевес, издающих воинственные крики, погонщики бросили верблюдов, охрана – сабли, а купцы – свой товар и под дружное улюлюканье окруживших их бандитов попадали на колени, протягивая руки и умоляя о пощаде. Но стоило горнистам Лонгина проиграть кавалерийскую атаку и развернуться в лаву, как охрана преобразилась, превратившись из жертвенных агнцев в свирепых львов.

⁶⁷ Хабара – длинная (до пят) накидка на плечи, расширяющаяся книзу, как юбка.

Звон мечей, треск копий, хруст костей, крошащихся под ударами боевых топоров, крики ярости, стоны и вопли о пощаде – всё смешалось, заполнив ущелье гулом битвы и пылью, поднятой сотней пар ног.

Сквозь туман, застилавший глаза, и облако красной пыли сотник разглядел и понял: пленным не будет, – с такой яростью рубили караванчики разбойников. Обступив со всех сторон, тыкали в них копьями, кидали камни, стаскивали с лошадей крючьями и, сгрудившись над упавшими, тут же забивали их ногами.

Гул галопа стих, перейдя в дробный перестук копыт. Две кавалерийских турмы кружили вокруг каравана, отыскивая разбойников, но их не было. Воины, досадуя на неудачный день, вставляли некропленные мечи в ножны – всё было кончено без них: десять трупов, изрубленных до неузнаваемости и лежащих в самых нелепых позах, и пятеро пленников. Пленников, порядком покалеченных и напуганных, оттащили к ручью и уложили на берегу лицом вниз.

– Утопи! Утопи! – орали люди, размахивая руками.

– Иссер, ты где? – крикнул Лонгин, с лязгом задвигая меч в ножны. Руки поочередно натягивали повод, заставляла гнедого рыскать из стороны в сторону, вместе со своим хозяином разыскивая владельца каравана.

– Я здесь, мой друг, – к центуриону бежал худой, белобородый, скуластый еврей с выпученными глазами, закутанный в полосатый халлук⁶⁸ и с таким же полосатым тюрбаном на голове. Края плаща развевались, открывая голые мосластые колени и подобранную под пояс тунику.

«Для удобства езды на верблюде хитро придумано», – отметил про себя сотник, перекидывая ногу через седло. Иссер поймал стремя, но было поздно – ноги Лонгина уже коснулись земли. Спрыгнув с лошади, он тут же показал на беснующуюся толпу, которая радостно скакала возле ручья.

– Останови их!

– При всей моей любви к Риму, Тиберию⁶⁹ и его доблестным солдатам – я не могу. Эти несчастные, – он обвел рукой своих людей, – столько страдали, и я разделяю их гнев.

– Никто не подлежит смерти, не придя на суд.

– Слышал звон, а не знаешь, где он... Четыре казни подлежат прежде суду: побитие камнями, сожжение, убиение мечом и удушение. Про утопление там ничего не говорится, – Иссер отвернулся от сотника, давая понять, что разговор окончен. – Начинайте!

– Прочь, все прочь, – Лонгин оттолкнул старика и стал пробиться к пленным. – Всех сошлю в Кесарию⁷⁰, – кричал он, расталкивая караванчиков, – где вас распнут, и не будет позорней смерти, чем смерть на кресте.

Иудеи знали про распятие, которое считалось позорной казнью и применялось обычно к рабам.

– Прости нас, господин, прости, ибо мы не ведаем, что творим, – люди умоляли его о пощаде: слова, словно мед, стекали с их уст, но их руки, словно клещи и крючки, цеплялись за ремни, за воротник панциря, наплечники, поручни, хватали его за юбку, тянули назад, не давая сдвинуться с места. А вокруг неслось: «Прости нас, господин, прости!»

Сотник слышал плеск воды, но за спинами людей не видел, что творится у ручья. Иссер, как самый старший среди евреев, воздел руки к небу, благословляя убийц.

– Бог и Создатель, и Творец, и Сведущий, и Судья, и Свидетель, и Истец. Он будет судить. Да будет великое имя Его!

– Благословен Он!!! – толпа завывала от восторга, наблюдая, как топят разбойников.

⁶⁸ Халлук – недлинный халат, как правило, до колен, являющийся верхней одеждой.

⁶⁹ Тиберий (42 г. до н. э. – 37 г. н. э.) – римский император из династии Юлиев-Клавдиев.

⁷⁰ Кесария Приморская, или Палестинская – город на берегу Средиземного моря, резиденция префекта Иудеи.

– Глупцы, не сказано ли у вас, что по труду и награда? И всякий утопивший да утоплен будет! – Лонгин крикнул нарочито громко по-еврейски, чтобы те, кто не знал латыни, могли проникнуться всей серьезностью последствий.

Но всё было напрасно. Религиозный экстаз уже охватил людей.

– Солдаты, вперед! – не глядя на римлян, Лонгин вскинул руку над головой, сжатую в кулак, и, выкинув пальцы, махнул в направлении толпы. Кавалеристы, сдвинув ряды так, что стремя одного касалось стремени другого, тронули лошадей шагом, постепенно переходя на мелкую рысь. Римляне, давя караванщиков, бесцеремонно раздвинули толпу, освободив проход. Когда сотник подбежал к ручью, только два разбойника из пятерых еще пускали пузыри. Со связанными за спиной руками злодеи лежали лицом в воде, причем ноги их были на берегу, а на спинах лежали массивные камни – так, что каждый мог сказать: «Не я его утопил, а камень».

Пока Лонгин наблюдал, как солдаты вытаскивают «утопленников», к ручью подлетел Рыжий Галл. Осадив разыгравшегося жеребца, крикнул: «Лови», – и швырнул командиру подорванный в ущелье шлем.

Хрясь!

Удар пришелся в бровь. Лонгин не видел брошенный ему шлем: расставил руки, но не поймал летящее к нему пятно.

– О Боги! – Руфус схватился за голову. Спрыгнув с лошади, подбежал к командиру, протягивая платок. – Клянусь Юпитером⁷¹, я не хотел.

– Глаза по ложке, не видят ни крошки... – взяв платок, сотник прижал им бровь, останавливая бегущую кровь.

– Прости меня. В пылу атаки я забыл, что ты можешь не увидеть его.

– Он не видел брошенный ему шлем... Он слепой... Слепой сотник, – передавали услышанное друг другу караванщики. – Слепой командует зрячими – что же тогда говорить о зрячих? Колдун, чародей, – шептали они и пятились от Лонгина.

Ужас охватил иудеев – и они опустили на колени, хотя их вера запрещала это делать – поклоняться идолам и язычникам.

Глава 3. Об ослах, козлах и прочих

Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются гладкими; и узрит всякая плоть спасение Божие.

Евангелие от Луки, 3:5–6

Битые амфоры вместе с волосатой веревкой, которую я принял за злобное чудовище, давно слетели с моей спины и остались лежать где-то возле небольшого рва, отделявшего наш двор от соседского. Ров был неглубокий, не больше трех ладоней, так что перескочил я его даже не заметив. Пронесся мимо колодца под смех, свист и улюлюканье собравшихся там людей. Как я понял, скосив глаза и повернув в сторону пересмешников уши, – люди смеялись над двумя неудачникам, гнавшимися за мной.

– Лови осла! За хвост хватай, за хвост! Зачем он вам? – кричали они бегущим мимо них священникам.

И то верно, зачем я им? Вины за бой кувшинов я не чувствовал, но нужно было время, чтобы злость ушла из храмовников. Поэтому я и решил погонять их немного, превращая кипящую ярость в потоки пота. Бежал я не быстро: на умеренной скорости, так сказать, держа их

⁷¹ Юпитер – верховное божество в Древнем Риме.

на расстояние хвоста и нисколько не желая им смерти от одышки. Сделал пару кругов вокруг деревни и, осознав, что на хвосте у меня никого нет, остановился. Где я потерял преследователей и как давно они сошли с дистанции, меня не интересовало, главное – я был свободен и мог осмотреться.

«Странное дело, – думал я, – вроде, бегал по кругу, а оказался на дороге, ведущей в Иерусалим. Причем ровно посередине». Я стоял у подножия Масличной горы, склоны которой были сплошь покрыты оливковыми деревьями, и не мог понять, как я здесь очутился.

Мы, ослы, отличаемся тремя характерными чертами: хитры, трудолюбивы, а ещё у нас неплохо развито чувство интуиции, которую мы преподносим людям как упрямство. Ну сами посудите – зачем идти по мосту, если он может обвалиться? – и мы не идем. То, что он не обвалился сегодня, не факт, что он не обвалится завтра. Благодаря этим феноменальным способностям – чувствовать опасность – про нас стали говорить, что ослы тупые и ленивые.

Но сегодня интуиция меня подвела.

Вообще, честно скажу, просчитать поведение левита – задача не из легких: откуда я мог знать, что ему придет в голову навьючить на меня две амфоры, полных оливкового масла? Чужая ослиная голова – потемки, а в голове у людей вообще мрак: никогда не знаешь, что и когда человек выкинет.

Идти было некуда: в деревне меня ждали храмовники, а в городе я никого не знал. Поэтому я потоптался немного на месте и решил вернуться во двор горшечника. Авось не убьют. От этих мыслей мурашки пробежали вдоль позвоночника, от хвоста до кончиков ушей. Попасть даже к доброму живодеу не входило в мои планы – во всяком случае, в ближайшие пятьдесят лет. Я вздохнул и, повернувшись к городу задом, потопал к себе домой. Не прошел я и сотни шагов, как услышал протяжный ослиный крик: «Иаааа...».

– *Хамарин, ты что здесь делаешь?* – я узнал бы этот голос из тысячи голосов. Он мог принадлежать только моей мамочке. Моей дорогой, любимой маме, которая еще до рассвета ушла в город с хозяйкой. На самом деле её увели, держа под уздцы и нагрузив на спину два плетеных короба с еще теплыми, пахнущими обожжённой глиной горшками.

То, что я сотворил, было похоже на кульбит: зад взлетел и, словно рычаг, провернул мой круп на пол-оборота, благодаря чему я вновь увидел городскую стену, утыканную башнями, белую дорогу, петляющую под горой, каменный мост, сгорбившийся над шумящим потоком, и две фигуры, уныло бредущие в гору: человека и ослицы.

Моя любимая Атна⁷², как я ласково называл ее. Час «Минхи» наступил, и они возвращались с рынка: усталые, но довольные. Улыбка расплылась по моей морде, и в тот же миг иссушенные пожухлые окрестности расцвели всеми цветами радуги, а жаворонки, мельтешащие высоко в небе, запели «ослиный марш».

– *Инун таву⁷³*, – сказал я и затрусил им навстречу, оглашая окрестности радостными воплями: «Иа, иа, иа...»

На спине у мамы лежали, свесившись до самой земли, два мешка. Именно мешка, а не короба, с которыми она ушла утром. Значит, день удался и хозяйка продала всю посуду, сделанную ее мужем, и даже плетеные коробки. Женщину звали Сара, а её мужа – Симон. Симон-горшечник, как звал его я. И хотя все в округе называли его «гончар», лично мне не нравилось это слово? дюже оно не профессиональное, я бы сказал, не передающее суть ремесла.

Не успели мы встретиться, как рев Атна вновь обрушился на меня.

– *Я спрашиваю, что ты здесь делаешь – в восьми стадиях от дома и в восьми стадиях от городской стены?!*

Я как-то оробел, не зная, что соврать...

⁷² Атна (арам.) – ослица.

⁷³ Инун таву (арам.) – «они вернулись».

– Гуляю.

– Ты гуляешь?! Не ври матери! Симон не отпустил бы тебя со двора, даже если бы ему заплатили за это.

– Я чего-то не знаю или вы скрываете от меня какую-то тайну? С чего это горшечнику так опекать меня? Я что, породистая лошадь, которую он выводит на скачки, или вол, которого он сдает в аренду? Я всего лишь ослик: маленький, серый и ушастый!

– Разве я не рассказывала тебе про сон, который видела хозяйка?

– Нет. А что за сон? Сон про меня? Какой я там – высокий, смелый, красивый? – она заинтриговала меня, и надо было потрудиться, чтобы унять мое любопытство.

– В тот день, когда ты появился на свет, Сара видела сон: будто к ним во двор человек завел маленького ослика, привязал к двери и, прежде чем уйти, произнес: «Позаботься о нём, я скоро вернусь». «Это Ты, Господи?» – спросила хозяйка. «Ты сказала», – и он ушел, словно растворился.

– Ну и что? – я пожал лопатками. — Сон как сон, чего тут интересного?

– А то, что ты особенный, Хамарин.

– Я всегда чувствовал это.

Мы ткнулись носами. От ощущения особенности захотелось подпрыгнуть, что я и сделал.

– Веди себя прилично! – в одной фразе было столько укора, сколько я не слышал за всю свою жизнь. – Что скажет наша хозяйка, глядя на твои выкрутасы?

– Что она может сказать? Ты посмотри на неё: жара и дорога отняли последние силы. Хочешь, я довезу её до дома? Должен же я отблагодарить её за всё, что они с горшечником для нас делают.

– Спроси у нее сам.

– Эй, хозяйка, давай я тебя подвезу! – я кивнул головой, приглашая сесть на меня.

– Да что же вы так орете: «Иа, иа», – будто вас не кормили с утра, – в её голосе не было злости, только усталость от шума, который мы с мамой создали на дороге.

И то верно, чего это мы орём...

Я посмотрел на хозяйку и, пристроившись, пошел рядом к ней, демонстративно подставляя свою спину. Но странное дело: вместо того чтобы сесть на меня и, свесив ножки, спокойно доехать до дома, хозяйка на ходу сняла с плеча льняную суму и запустила туда руку, чего-то там выискивая. Вытащила морковку и протянула мне.

– Ешь, хамор⁷⁴.

Вот это подарок! Ничего лучше и вкусней она не могла придумать. Я ловко выхватил зубами морковь из рук хозяйки, вскинул голову, подбросив сочный, пахнущий прошлогодними травами корнеплод, и защелкнул за ним зубы, целиком отправив в рот.

– Близятся дни, когда ты останешься один и никто тебе не рубит соломы, не сварит опары и не загонит от дождя в стойло.

«О чем это она?» – думал я, пережевывая вкусняшку. Женщина провела рукой по спине, приглаживая мою взлохмаченную шерсть.

– Эй, дружок, да у тебя спина мокрая, – хозяйка подняла руку. – А ну стой!

Все встали, словно вкопанные. Мать с тревогой смотрела то на меня, то на хозяйку. Женщина откинула капюшон, закатала рукава и, взяв мою ногу пальцами ниже колена, подняла её. Одно копыто, второе, третье и четвертое... а их больше и не было.

– И скажи на милость, кто же тебя гонял?

– Левит с козном.

⁷⁴ Хамор (иврит) – осёл.

Вздрыгнули мы дружно, как по команде – я, мама и хозяйка. Подняли глаза и, хлопая ресницами уставились на стоящего перед нами человека. Это был племянник хозяйки – тот самый Иов, из-за которого я косвенно пострадал.

– Если вас призовут на суд, я буду свидетелем, что он не виноват, – Иов ткнул в меня пальцем.

– Спасибо тебе, – Сара потрепала мальчика по голове.

– За что ты благодаришь меня? Вы мне с Симоном как вторая семья. Разве я должен был сказать: «Какое мне дело до того, что вас заставят заплатить за целый талант масла, которое должно было пойти на освящение храма»? Давайте я лучше пойду с вами, и если эти люди еще у вас во дворе, я первым обличу их. Иной отвечает и за убытки, причиненные им самим, и за убытки, причиненные его волом или ослом, а иной не отвечает ни за убытки, причиненные им самим, ни за убытки, причиненные его волом или ослом.

– *Эй, а причем тут вол? Его там не было*, – промямлил я, но, похоже, меня никто не слышал или не понял...

Я шел и думал: все проблемы от ума. Вот у нас, скотов, нет ума – и нет проблем. Люди сами загнали себя в стойло. Понапридумывали запретов, ограничений, приличий всяких – и страдают от них. Сюда не ходи, там не лежи, это не ешь, здесь не бери, это чистое, а вон то грязное – не жизнь, а сплошные мучения.

То ли дело у нас ослов! Всё расписано чуть ли не по годам: вывалился из утробы, окреп – и в ярмо на всю оставшуюся жизнь. Правда, бывают праздники, когда хозяин соизволит привести тебе молоденькую ослицу, – но это редко, раз в год, и то до тех пор, пока ты молод. А так – всю жизнь на хозяина ишачить. Поел, поработал, в стойло. Поел, поработал, в стойло. Причем работа занимает большую часть нашего существования. Я вздохнул, рисуя себе нерадостные перспективы дальнейшей жизни. Ну сколько я проживу – лет сорок, пятьдесят, не больше, и то если меня не будут утруждать работой. Мама рассказывала про дядю, работавшего на плотине, где он крутил колесо, орошая поля. Работал от восхода до заката за горсть ячменя. Так прожил он лет тридцать: сначала полинял, потом высох, заработал какое-то «ежовое копыто», ослеп и умер. Я дернул ушами, отгоняя мух, и еще раз вздохнул.

Все-таки людям хорошо.

Ну и что, что запреты, ведь их можно и не соблюдать. Подумаешь, нельзя есть! А ты ешь: кто увидит, особенно в темноте? Сам себе хозяин. Главное, свет не зажигай.

В памяти всплыл разговор, услышанный месяца два назад. Коэн, как всегда, считал деньги, талмиды спали, а левит просвещал всех насчет еды, нисколько не заботясь, что его никто не слушает... кроме меня. «Кто работает над смоквами, – говорил он, – не должен есть винограда, но может есть смоквы, а кто работает над виноградом, не должен есть смокв, но может есть виноград. И он вправе воздерживаться от еды, пока не дойдет до лучших плодов. Ибо сказал Господь: «Когда войдешь в виноградник ближнего твоего, можешь есть ягоды досыта, сколько хочет душа твоя, а в сосуд твой не клади»⁷⁵.

Мне это очень нравилось. Да и нет у меня сосуда, а вот рот есть и желудок безразмерный. Уж я бы там попировал!

Если бы кто меня спросил, что самое главное для осла, я, не задумываясь, сказал бы: холодной зимой – теплый загон, обшитый с трех сторон тёсом, с непромокаемой крышей из соломы или обожженной черепицы; жарким летом – раскидистое дерево, дающее много тени; из питья – чистая родниковая вода; из еды – вкусное сено, скошенное желательно на третий

⁷⁵ Втор. 23:24.

день после дождя, и всякие там сладости в виде яблок, чищенной моркови, вареной свеклы и пропаренных отрубей; и чтобы убирали у меня каждый день, не заставляли много работать, а по субботам был бы выходной. Ну и, конечно же, чтобы вокруг меня крутились молоденькие ослицы, пахнущие душистыми полевыми травами, с блестками росы на ресницах и томным взглядом, из-за которого наш род ослов не переводится.

Сосед наш, самаритянин⁷⁶, держал стадо ослов. Ну не стадо, а так... голов десять, не больше. Они – не ослы, конечно, а хозяйева – подряжались возить мешки на мельницу. И вот в том стаде была одна симпатяшка. Мы как-то проходили с мамой мимо их стойла. Помню, аж дух захватило... Уши горели, как сухая копна, а её взгляд... этого я не забуду никогда. Пушистые ресницы и нежный лилейный голосок... «Хамарин, Хамарин», – звала она, превращая меня в соляной столб. Я готов был бежать за ней хоть на край земли... «Я женюсь», – сказал я матери в тот день. Ответ не заставил ждать: «Женишься, когда время придет».

От воспоминаний о прекрасной невесте и будущей свадьбе я опять вздохнул.

– Скажи, Сара, – Иов посмотрел на тетку, – что это твой осёл всё время вздыхает?

– Вышла я во двор, скотину попоить, смотрю, а он вывалился из утробы на солому и, вздохнув, говорит мне: «Была бы моя мать кобылой, родился бы жеребцом, а раз мать моя ослица, то и быть мне всю жизнь ослом...»

– А была бы его мать козой, родился бы козлом, – оценив шутку Сары, Иов громко хохотнул.

А вот я ничего не понял, надулся и запыхтел. Нашли с кем сравнить – с козлом!

– Первый раз вижу такого впечатлительного осла.

– Особенный он!

Ну сейчас начнет рассказывать про сон, в котором она видела человека с осликом. Это я всё уже слышал, мне бы продолжение узнать.

– Ты хочешь сказать, он мессия? – Иов с улыбкой посмотрел на меня.

– Нет! Но для него берегу.

Гадоль замолчал, переваривая услышанное.

– Кажется, я понял, – Иов, взмахнув руками, крикнул: «Ликуй от радости, дочь Сиона⁷⁷, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной⁷⁸».

Он-то понял, а вот я не очень. Попросил бы пояснить – да как?..

Женщина остановилась и, вытерев тыльной стороной ладони пот, сказала:

– Эти слова я слышу каждый день.

– От кого? Скажи мне – и я принесу ему в жертву двух козлов.

– От моего мужа, Симона-горшечника, – хозяйка перекинула с плеча на плечо суму и пошла, не оглядываясь.

Иов постоял, думая о чем-то своем, махнул рукой и пошел, поспешая, чтобы нагнать Сару и поговорить с ней об осле, Симоне и Мессии, которого ждали все иудеи от Газы⁷⁹ до Кесарии Филипповой⁸⁰. Я тоже не отставал – в надежде, что они проговорятся и пояснят сказанное: про царя и осла.

⁷⁶ Самаритяне (самаряне) – выходцы из Месопотамии, не евреи; народ, проживавший в Самарии (области между Иудеей и Галилеей).

⁷⁷ Дщерь Сиона, дочь Сиона – образное выражение, по смысловому значению равнозначное выражению «сыны Израиля». Сион – холм в юго-западной части Иерусалима; в Библии Сион часто олицетворяют с «Домом Божиим».

⁷⁸ Зах. 9:9.

⁷⁹ Газа – город в Палестине, на берегу Средиземного моря (современная Газа в Палестинской национальной администрации).

⁸⁰ Кесария Филиппова – город в Палестине, в верхнем течении реки Иордан. Ранее назывался Паниас, в нач. I века н. э. переименован Иродом Филиппом в Кесарию.

Так и дошли до дома: я с надеждою, они с верою, а Атнаг с материнской любовью. Когда показалась милая моему сердцу пальма, я пропустил вперед Иова, прячась за его спиной. Храмовников во дворе не было, и я перевел дух.

Глава 4. Первый среди первых

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония.

Евангелие от Матфея, 23:27–28

Послеполуденная молитва давно закончилась, «Амида» была прочитана и строка из псалма сказана, но он не снимал талес, только всё ниже и ниже склонял голову. Потрескавшиеся, обветренные губы, смазанные оливковым маслом, шептали: «За что, Господи, ты подвергаешь народ свой испытаниям? За что посылаешь нам пророка, которого мы не желали? Сделай как было во времена отцов наших, – на минуту он запнулся, но тут же подхватил на более высокой ноте. – Ничтожными сделай знамения лжепророков, обнаружь безумие волшебников, мудрецов прогони назад и знания их сделай глупостью. Не погнушайся словами моими, пошли мне знамение, что услышан голос мой. Прости меня, Господи, что потревожил тебя просьбой своей».

Он не считал, что сильно согрешил, выдав слова, сказанные Господом пророку Исаие, за свои. Текст был другой⁸¹, но, как считал Иосиф, прозванный за свое смирение Каиафой, и один светильник освещает дом. Этим светильником он считал себя, домом – Израиль, а своим долгом – упросить Господа избавить Иудею от пророка. «В других краях, – Иосиф дернул плечом, – пусть учит, а Иудею я ему не отдам». Вспомнил первую главу из той же книги и поморщился: «Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь – убийцы⁸²». Ему не нравилось сказанное, и, перескочив через три стиха, Каиафа зашептал: «И обращу на тебя руку Мою, и, как в щелочи, очищу с тебя примесь, и отделию от тебя всё свинцовое; и опять буду поставлять тебе судей, как прежде, и советников, как вначале; тогда будут говорить о тебе: «город правды, столица верная⁸³».

Первосвященник поднял голову, прислушиваясь к звуку приближающихся шагов. Он стоял в полумраке горницы – спиной к двери, лицом к узкому стрельчатому окну, выходящему на восток. Ставни были прикрыты, спасая от зноя и посторонних глаз. Человек опустил веки, представляя длинный темный коридор, череду светильников, освещавших только ниши, в которых они стояли, и того, кто, ступая босыми ногами, тихо шел по хорошо подогнанным кедровым полам, выкрашенным темно-красной охрой.

Пора было заканчивать молитву, и черная, словно вороное крыло, борода вновь коснулась эфода, который он не снимет до самой Пасхи. Воздев руки, Иосиф прошептал: «Благословен Ты, Господи, внимающий молитве».

Шаги замерли возле двери – и тут же дробь пальцев пробежала по косяку, прося впустить стучавшего. Каиафа знал: так обычно стучит Малх⁸⁴ – его верный раб и секретарь, которому

⁸¹ Ис. 44:24–25.

⁸² Ис. 1:21.

⁸³ Ис. 1:25–26.

⁸⁴ Малх – раб первосвященника Каиафы, принимавший участие в аресте Иисуса Христа. Именно ему отсек ухо апостол Петр (Ин. 18:10–11).

он доверял тайные дела. Малх был его ушами и глазами в Иерусалиме. Человеком, который знал всё и про всех.

– Войди, – первосвященник порядком устал, и голос был тихим.

Каиафа повернулся к двери, придерживая талес. Кисти, пришитые по углам накидки, качнулись в такт движению головы. Две кисти спереди и две сзади, олицетворяли собой двух свидетелей, оберегающих человека от греха. Кроме них, в каждом углу было завязано по пять узлов – как напоминание о пяти книгах Торы. Кисти были собраны из восьми шерстяных нитей, не давая забыть о том, что сказал Господь Моисею. «...и будут они в кистях у вас для того, чтобы вы, смотря на них, вспоминали все заповеди Господни, и исполняли их, и не ходили вслед сердца вашего и очей ваших, которые влекут вас к блудодейству, чтобы вы помнили и исполняли все заповеди Мои и были святы пред Богом вашим⁸⁵».

Заповеди?!

Иосиф вспомнил: именно насчет них он и посылал верного Малха в Вифанию. Разузнать, что там говорил пророк, какие заповеди дал людям, и если хоть одна из них будет отличаться от Божьих... Первосвященник улыбнулся, представляя себе, что он сделает с богохульником... Этот Иисус ему порядком надоел: лезет везде, учит всех, обличает – и кого? Его, Каиафу, входящего в Святая Святых⁸⁶! В этом году ему предстояло пятнадцатый раз войти в Храм на праздник Йом-Киппур для кторета – обряда воскурения. И он не позволит самозванцу нарушить установившуюся традицию. Слишком много он потратил сил и денег, прежде чем на него надели «восемь одежд⁸⁷».

– Скажи, Малх, святы ли священники?

– Все коэны святы, но первосвященник – святой из святых, – раб в почтении склонился, ожидая, когда хозяин разрешит поднять голову.

– Ты мне льстишь, – Каиафа откинул с головы талес. – Можешь расправить плечи.

– Что ты, хозяин! Малх не умеет льстить! – раб улыбнулся. – Разве ты стал первосвященником не потому, что был мудр, как сама Тора? Разве твоя наружность поднимает лошадь на дыбы, а волосы иудеев делает седыми? Разве твоя сила не сравнится с силой Аарона⁸⁸, подбрасывавшего левитов в храм? Разве ты не богаче всех коэнов Иерусалима? Разве твой возраст повлиял на то, чтобы члены синедриона сказали: как бы умер? Я назвал пять качеств⁸⁹, необходимых, чтобы стать первосвященником. Если угодно, я назову еще пять, но они не покроют уже сказанного.

– Не стоит! Того, что ты назвал, достаточно, – ему нравился этот смысленный малый, купленный им когда-то за бесценок у бедной еврейской вдовы, продававшей своего десятилетнего сына.

На самом деле всё обстояло далеко не так, как нарисовал раб. Если бы он не женился на дочери Анны, не видать бы ему этой должности. Тесть был суров, жесток и властолюбив. Почти десять лет старик цепко держал должность первосвященника в своих руках, не желая не с кем делиться властью и могуществом. И если бы не злоумышленники, разбросавшие человеческие кости во дворе храма во время праздника опресноков⁹⁰, его бы не сместили. Впервые в тот

⁸⁵ Чис. 15:39–40.

⁸⁶ Святая Святых – сокровенное место в Иерусалимском храме, где стоял Ковчег, в котором хранились Скрижали Завета. Входить в Святая Святых могли только первосвященники – и то раз в году, в Судный день.

⁸⁷ Вступая в служение, кандидат в первосвященники надевал восемь особых одеяний, а во времена Первого Храма еще и помазывался особым маслом помазания.

⁸⁸ Аарон – старший брат Моисея, первый еврейский первосвященник. Человек большой физической силы.

⁸⁹ Пять качеств, необходимых, чтобы стать первосвященником: мудрость, приятная внешность, физическая крепость, богатство, возраст.

⁹⁰ Праздник опресноков, седмица опресночная, или семидневная Пасха – семидневный праздник, который наступал сразу после Пасхи и в течение, которого следовало есть только пресный хлеб (опресноки).

день пришлось закрыть Дом Святости⁹¹. Поговаривали, что это проделка самарян, но иудеи во всём видели руку Рима, попирающего их веру.

Это было в год Тиберия Друза и Норбана Флакка⁹². Иосиф поморщился: он не любил римских дат, как и самих римлян, но и те и другие очень прочно вошли в его жизнь. Наместник Валерий Грат⁹³ сместил Анну⁹⁴, поставив на его место Исмаила, сына Фаби. Через год на место Исмаила привели Елеазара, сына первосвященника Анны. На следующий год в восемь одежд уже одевался Симон, сын Камифа. В этот же год Анна привел к Грату своего зятя Иосифа, предварительно передав наместнику упругий кошелек, наполненный золотыми динариями. Римлянин остался доволен кандидатом, утвердив его в сане первосвященника. Через восемь лет, передав печать префекта Понтию Пилату⁹⁵, Валерий Грат отбыл в Рим, а Каиафа так и остался первосвященником.

И то, что он был в родстве с самим Анной, сыном Сефа, ав-бейт-дином⁹⁶ Большого Синедриона, было хорошим и, самое главное, важным дополнением к тем качествам, о которых говорил Малх. Что нужно, чтобы стать «первым среди первых»? Деньги и родственные связи. Каиафа улыбнулся. В темноте сверкнули зубы, похожие на ряд мелких белых кораллов.

– Что слышно за Кедроном⁹⁷?

– Он вернулся, чтобы смущать сердца!

– Это я знаю и без тебя. Что говорит народ, внимая словам его?

– Кто что... – Малх пожал плечами. – Кто говорит: «Он Мессия – он спасет нас». Кто говорит: «Великий пророк восстал из мертвых». Одни называют его чародеем, другие лекарем, а есть и такие, кто царем Иудейским.

– Помазали, не помазав⁹⁸... Скажи по существу, в чем заповеди его, похожи ли они на те, что записаны золотом на скрижалях⁹⁹? Есть ли в них свет утренней росы, или они пахнут серой и гарью Геннома¹⁰⁰? – Иосиф любил плести словесные кружева.

– Позволь мне перечислить то, что он сказал.

– Говори, – первосвященник сошел с духана – небольшого возвышения, на котором стоял всё это время, подошел к окну и толкнул ставни, впуская в комнату свет и шум Верхнего города.

Горница была на верхнем этаже угловой башни, и из окна казалось, что Иерусалим лежит у его ног. Плоские крыши домов, окруженные масличными деревьями, кипарисами и пальмами, уступами сбегали вниз по холму, зависали на его крутых склонах и, спрыгнув с обрыва, исчезали в «долине сыроваров». Потом неожиданно выскакивали из лощины и теми же уступами взбирались на холм до самых стен Давидова городка. Острое зрение позволило разглядеть

⁹¹ Дом Святости – Иерусалимский храм.

⁹² Год в Римской империи обозначался по именам двух консулов, избираемых ежегодно. Время правления Тиберия Друза и Норбана Флакка приходилось на 15 г. н. э.

⁹³ Валерий Грат – четвертый префект Иудеи (15–26 гг. н. э.).

⁹⁴ Анна (Ханан) – иудейский первосвященник с 6 по 15 год н. э. В 33 году н. э. – верховный судья Синедриона.

⁹⁵ Понтий Пилат – пятый префект Иудеи (26–36 гг. н. э.). Долгие годы считалось, что должность Пилата была «прокуратор», но археологические открытия последних лет сняли недоразумения в этом вопросе.

⁹⁶ Ав-бейт-дин (иврит) – председатель суда (от «бейт-дин» – «дом суда»).

⁹⁷ Кедрон – речной поток, давший название долине; протекал по северной и восточной стороне Иерусалима.

⁹⁸ Помазание на царство – обряд, при котором монарха, вступающего на царство, обязательно помазывали миром или елеем для придания ему «божественности».

⁹⁹ Скрижали Завета – две каменные плиты, на которых, согласно Библии, были начертаны Десять заповедей, данных Моисею Богом на горе Синай.

¹⁰⁰ Генном, или Геенна (иврит) – ад; место, куда попадают души грешников после смерти. По мнению евреев, в день великого и последнего Суда праотец Авраам будет стоять у входа в Генном и осматривать всех евреев. Того, кому сделано обрезание, он не позволит свергнуть в Генном (ад).

лестницу, ведущую к двойным и тройным аркам ворот Хульды¹⁰¹, чья могила была недалеко от южной стены, видел саму стену и белоснежный Храм, подпирающий небосвод и сияющий ярче тысячи солнц.

Встав на расстоянии локтя за спиной первосвященника, Малх вполголоса стал вещать:

– Он говорил: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки¹⁰²». Так говорил он, – добавил и замолчал.

Раб посмотрел на первосвященника, но тот был словно монолит – беспристрастный и бессловесный: стоял и слушал, созерцая раскинувшийся перед ним город.

– Вот еще его слова: «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не всё тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не всё тело твое было ввержено в геенну¹⁰³», – Малх коснулся пальцами лба. Было ощущение, что слова, которые он говорил, жгли его изнутри. Раб облизал пересохшие губы и продолжил: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся. Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас¹⁰⁴».

Чем дальше говорил Малх, тем сильнее искажалось лицо первосвященника: ничего не смог найти он в словах пророка из Назарета, чего не сказал бы Господь Моисею и чего не было бы в скрижалях. Зубы скрипнули.

– Довольно! – город сразу поблек, потеряв краски и привлекательность. – Ты не сказал: «Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и всё, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его¹⁰⁵».

– Учил, исцелял, воскрешал, прощал грехи, говоря: «Суббота для человека, а не человек для субботы; посему Сын Человеческий есть господин и субботы¹⁰⁶».

– Кто не почитает субботу¹⁰⁷, тот не почитает Бога. Кто сей, что прощает грехи и говорит, что он Господин субботы? – возвысил голос Каиафа.

– Он называет себя Сыном Божьим! – стук посоха и старческий скрипучий голос возвестили мужчинам, что они не одни в горнице.

¹⁰¹ Ворота Хульды – храмовые ворота; располагались с южной стороны Иерусалимского храма. Названы так по имени древней пророчицы, жившей в VII веке до н. э.

¹⁰² Мф. 22:37–40.

¹⁰³ Мф. 5:27–30.

¹⁰⁴ Мф. 5:38–44.

¹⁰⁵ Исх. 20:8–11.

¹⁰⁶ Мк. 2:27–28.

¹⁰⁷ Субботний день считался «днем покоя», в который Тора предписывает евреям воздерживаться от любой работы.

Каиафа дернулся, словно его перепоясали ниже поясицы бичом. Развернулся и кинулся к вошедшему старику, падая на одно колено. Следом за хозяином рухнул Малх, припал губами к босым ногам владыки синедриона, чмокнул – и тут же отполз в сторону.

– Отец, – первосвященник подхватил рукой край его симлы, прижимая к лицу. – Прости, что я не встретил тебя, как подобает сыну и твоим заслугам. Да благословен Господь, Бог наш, приведший в мой дом такого гостя!

– Благословен Создающий детей послушных и разумных, – Анна чуть наклонился и подхватил зятя под локоть, поднимая с пола.

Старик был высок, выше среднего роста, с карими проникновенными глазами. Его худоба, небольшая сутулость и длинная, покрытая проседью борода только подчеркивали его живость, дотошность и невероятную силу ума. Тяжелый нос, словно клюв, нависал над верхней губой, придавая ему вид хищной, вечно, недовольной птицы. Владыка Синедриона был похож на коршуна, вот уже тридцать лет не спускающего глаз со своей «голубятни». Седых волосинок в его бороде было пятьдесят пять – ровно столько, сколько было ему лет. Анна очень этим гордился, считая, что это знак Божий. Недоброжелатели же рассказывали, будто рабы ежедневно пересчитывают седые волосинки, и если появляется лишняя, её тут же удаляют. На что владелец бороды невозмутимо отвечал: «Если это так, приходите каждое утро и считайте...».

– Слышал ли ты, сын мой, что говорят мудрецы про субботу? – тесть подошел к окну, вдыхая полной грудью свежий ветер, пришедший с влажных Самарийских гор.

– Учи меня, учитель, учи! – первосвященник произнес фразу, прочно засевавшую в его голове еще со времен обучения в синагоге.

– Растение, высаженное в субботу, вырывается, если оно посажено умышленно, а посаженное в субботний год вырывается как при умышленной, так и при неумышленной посадке¹⁰⁸.

Каиафа кивнул, соглашаясь со всем сказанным. Как он сам не догадался! Ведь год-то был субботний – или, как говорили, суббота Господня¹⁰⁹.

– Каждая суббота в субботний год велика, потому что она двойная, – надо было реабилитироваться, и первосвященник подал голос. Но тесть будто не слышал его.

– Во времена праотцов наших пришли мужи¹¹⁰ из старейшин Израилевых, и сели перед лицом Иезекииля¹¹¹, и стали вопрошать его о промысле Божьем. И было к пророку слово Господне: «Я Господь, освящающий их¹¹². Но дом Израилев возмутился против Меня в пустыне: по заповедям Моим не поступали и отвергли постановления Мои, исполняя которые человек жив был бы через них, и субботы Мои нарушали, и Я сказал: изолью на них ярость Мою в пустыне, чтобы истребить их¹¹³», – бывший первосвященник замер, ожидая от зятя, продолжения, что тот и сделал.

– И сказал Господь Моисею: «...ибо слово Господне он презрел и заповедь Его нарушил; истребится душа та; грех ее на ней. Когда сыны Израилевы были в пустыне, нашли человека, собиравшего дрова в день субботы; и привели его нашедшие его собирающим дрова в день субботы к Моисею и Аарону и ко всему обществу сынов Израилевых; и посадили его под стражу,

¹⁰⁸ М. Т. Шаб. III.

¹⁰⁹ Суббота Господня, или Лето Господне – каждый седьмой год (седмина), считающийся святым годом, или субботним. Согласно еврейскому календарю, ведущему свой отсчет с 3761 года до н. э., 33 г. н. э. как раз был таким годом: $3761+33 = 3794:7 = 542$.

¹¹⁰ Мужі – мужчины; распространенное обращение в Иудее в I веке н. э.

¹¹¹ Иезекииль (622–570 гг. до н. э.) – один из четырёх великих пророков Ветхого Завета, автор «Книги пророка Иезекииля».

¹¹² Имеются в виду евреи.

¹¹³ Иез. 20:12–13.

потому что не было еще определено, что должно с ним сделать. И сказал Господь Моисею: должен умереть человек сей; пусть побьет его камнями всё общество вне стана¹¹⁴».

– Всё так, сын мой, – Анна взял в руки кисти талеса, свисающие на груди. – Собери Синедрион, нам есть что им сказать.

– Я обойду всех и всех приведу, – Малх склонился в поклоне, ожидая ответа.

Каифа и Анна одновременно повернули головы и посмотрели на раба, всё это время стоявшего в стороне.

– Да будет на всё воля Божья. Аминь! – их голоса слились, а руки одновременно пробежали сверху вниз, поглаживая ухоженные бороды.

Глава 5. Гордыня, морковка и пальмовая ветвь

...послал двух учеников Своих, сказав: пойдите в противоположащее селение; войдя в него, найдете молодого осла привязанного, на которого никто из людей никогда не садился; отвязав его, приведите; и если кто спросит вас: зачем отвязываете? скажите ему так: он надобен Господу.

Евангелие от Луки, 19:29–31

Их было двое.

Двое в длинных, серых, не подшитых хитонах. Из-под обтрепанных краев торчали босые запыленные ноги. Пришельцы были смуглолицы, бородаты, кучерявы, с карими глазами, словно близнецы-братья. Их отличал только рост и возраст. Уставшие, но счастливые, подошли и встали возле наших ворот.

– Вот он... – тот, что помоложе, ткнул в меня пальцем, говоря с галилейским акцентом. – И ослица подъяремная рядом с ним. Всё как сказал наш Учитель.

О каком ярме он говорит? Я посмотрел на Атнат: не было на ней никакого ярма. Насколько я знал, ярмом называли деревянную колоду, что вешали на шею волам. Ну висело на спине выючное седло, и что? Мешки, что привезла мама, хозяйка унесла в дом, а Иов растегнул подпругу, но седло не стал снимать.

В чем тут наша вина?..

Тем более сегодня была не суббота, в которую нам, ослам, нельзя носить седло, хотя бы оно было положено с пятницы, а вот попону можно было носить всю субботу, но она должна быть привязанной в пятницу, а если седло привязано с целью согреть, то пусть висит, а если забыли снять, то вина хозяина: и он, и осёл – оба нарушили субботу¹¹⁵...

Кошмар!

Иногда я просто не понимал людей и тогда задавался вопросом: зачем так усложнять себе жизнь? Почему верблюд должен ходить в субботу с уздой, а верблюдица с носовым кольцом, лошадь с цепью, баран с подвязанным кверху хвостом, а коза должна быть обязательно с перевязанным выменем? И почему буйвол – домашнее животное, а собака – дикая? При этом и страус, и летучая рыба – птицы¹¹⁶. От всех этих «почему» моя ослиная голова шла кругом. Получалось, что чем больше я умнел, слушая книжников, – тем больше тупел, понимая, что мне никогда не понять загадочных и хитрых евреев.

Хотя, с другой стороны, то, что они сделали субботу выходным, лично меня устраивало.

¹¹⁴ Чис. 15:31–35.

¹¹⁵ М. Т. Шаб. V.

¹¹⁶ М. Т. Кил. VIII.

Вообще суббота в Иудее – особенный день, святой, я бы сказал – праздничный. И хотя я не любил вечно умничающего левита, приходящего к нам во двор, но с тем, что он говорил, я был полностью согласен. А говорил он, что и скоту нужно отдыхать в субботу, не перевозить каких-либо тяжестей и не утруждаться.

Вот так-то.

Но сегодня была не суббота, и ни о каком выходном не могло быть и речи, что, собственно, и подтвердилось походом Атна с хозяйкой в город.

Я посмотрел на пришельцев. Они улыбались.

Это меня насторожило.

Насколько я знал, люди не могут долго улыбаться. Им свойственно чередование чувств. Иного слова я не мог подобрать в силу ограничения собственного словарного запаса. Если улыбка не сходит с лица, значит, что-то здесь не так: человек или блаженной, или очень счастливый. Одно из двух. На блажных они не были похожи, а в чем их счастье – я не знал.

Зачем пришли эти люди и кто они, я не ведал. Я вообще их видел впервые. Хотя у меня были смутные догадки, но я не стал говорить об этом вслух, оглашая окрестности своим ослиным ревом. Всё равно никто ничего не понял бы, только огрели бы палкой по хребту, чтобы не орал не по делу.

– Эй, есть кто здесь? – молодой приставил руки ко рту и крикнул. Из дома никто не выходил. – Наверное, никого нет, – дернув плечами, он посмотрел на своего спутника и выразительно кивнул, как бы спрашивая: «Ну и что дальше?». – Что делать будем, Левий?

– «Отвязав, приведите ко Мне», – сказано было нам, – второй пришелец, выглядевший лет на сорок, стал разматывать веревку, намотанную на опору ворот; второй конец в виде петли был накинута мне на шею и не давал возможности сбежать еще раз. Так решил Иов – ожидая исполнения пророчества...

– Зачем отвязываете осленка?! – голос хозяйки дрожал. – Симон, иди скорей сюда! – быстрым шагом к нам шла возбужденная Сара, нервно теребя фартук.

– Он надобен Господу, – Левий провел рукой по моему загривку.

– Сбылось!.. – женщина всплеснула руками, охнула и, не доходя до калитки, привалилась к каменному валу, давя пучки иссопа¹¹⁷, буйно растущего вдоль всей кладки. В воздухе тут же запахло мятой, источаемой раздавленной душистой травой.

– Марк, помоги ей, – старший посмотрел на Сару, привалившуюся к забору.

– Что с ней? – на пороге появился Симон, запястья, которого были в глине. Глядя на незнакомого человека, усаживающего его жену на лавку, горшечник вытер руки о края тунки и побежал к своей жене.

– Сказали, что осленок нужен Господу, а она обомлела почему-то... – Марк в недоумении посмотрел на женщину за плечи. – Воды принеси, – потребовал он глядя на подбежавшего человека.

– Да, да! Конечно! Ей нужно воды, – хозяин развернулся и кинулся в дом, крича на ходу: – Иов, Иов! Иди скорей сюда! Наш осленок Господу понадобился! Счастье-то какое!

«Странные они какие-то», – думал я, глядя на суетящихся во дворе людей. Бегают, волнуются. А в чём суть проблемы, никто не соизволил объяснить. О том, как я мог понадобиться Господу, мне было невдомёк. Если принести меня в жертву – извините, но ослов в Иерусалиме не убивают и в жертву не приносят. Может, чего привезти надо – ну там дров каких, кувшины с вином – так я всегда рад постараться, только я не обучен...

– Что там у тебя, Симон? – за межевым валом показались соседи, привлеченные шумом.

– Хамор Господу понадобился!

¹¹⁷ Иссоп (синий зверобой) – род растений колена мятных семейства яснотковых. Использовался в Иудее в виде кропила. Стебли, связанные в пучок, были удобны для кропления предметов жидкостью.

– Благословен давший нам дожить до времени сего!

– Пусть выкупают первенца, – крикнул сосед-самарянин, державший стадо ослов. – «Первородное из ослов заменяй агнцем, а если не заменишь, то выкупи его¹¹⁸», – сказал – и исчез у себя во дворе.

Бородач внимательно посмотрел в его сторону, но не ответил, а молча дернул за веревку, приглашая меня в путь. Волосатое чудовище скользнуло по шее, но странное дело – я не испугался его, как в прошлый раз. Веревка и веревка, не змея же...

И я пошел.

Послушно и безропотно. Словно меня толкала какая-то неведомая сила, очень похожая на ту, что несколько часов назад заставила меня забыть обо всём и пойти на голос человека в белых одеждах.

Из дома выскочил Иов и пристроился рядом.

– Шагай, Хамарин, веселей и не бойся, – подбадривал меня Иов, идущий рядом со мной. – Не каждому дается шанс послужить Господу!

– Истинно говорю тебе, было такое, что и Ангелы приступили и служили Ему, – сказал Левий, идущий с другого бока от меня.

– Как ты нашел Его? – Иов посмотрел на спутника.

– Это Он нашел меня... Я сидел на площади, собирая пошлину¹¹⁹, когда подошел Иисус. Он сказал всего два слова: «Следуй за Мною». И я оставил всё, встал и пошел за Ним.

– Я тоже хочу услышать эти слова.

Левий посмотрел на Иова, ища в его глазах сарказм, свойственный всем евреям. Он не доверял иудеям, особенно храмовникам, зная, что те ищут погибели для его Учителя. Но взгляд гадоля был чист, душа открыта, а в мыслях было одно: поговорить с тем, к кому он шел. Левий успокоился и спросил:

– Ведомо ли тебе, что гонят Учителя и учеников его?

– Да, – спокойно ответил Иов, – я слышал, что говорил Он: «И будете ненавидимы всеми за имя Мое¹²⁰».

– Знаешь, что ждет тебя, – и идешь. Зачем?

– В год смерти царя Озии¹²¹ было видение пророку Исаие¹²², и говорил он: «Увы, народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сыны погибельные! Оставили Господа, презрели Святаго Израилева, – повернулись назад. Слушайте слово Господне, князья Содомские¹²³; внимай закону Бога нашего, народ Гоморрский! Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие – и празднование! И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите – и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши как багряное – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю. Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли. Сион спасется правосудием, и обратившиеся сыны его – правдою; всем же отступникам и грешникам – погибель, и оставившие Господа истребятся¹²⁴».

¹¹⁸ Исх. 34:20.

¹¹⁹ Левий Матфей – один из двенадцати апостолов Иисуса Христа, в прошлом был мытарем, сборщиком податей (налогов).

¹²⁰ Мф. 10:22.

¹²¹ Озия (785–733 гг до н. э) – десятый царь иудейский из дома Давидова.

¹²² Исаия – один из великих библейских пророков; родился в Иерусалиме около 765 года до н. э.

¹²³ Речь идет о двух городах: Содом и Гоморра, прославившихся своим распутством.

¹²⁴ Ис. 1: 4, 10, 13, 15-19, 27–28.

– Истинно говорю вам, что всё сие придет на род сей¹²⁵, – голос был тихий, но твердый. Не такой, как у людей в порыве гнева или ярости. Другой. Я бы сказал, похожий на гул еще далекой, но неумолимо приближающейся грозы; на рокот урагана вырывающего с корнем деревья, сметающего города и целые государства; на шум ветра, гонящего гигантские волны, которые покроют собою всю земную твердь. И в то же время это был шепот леса после благодатного и долгожданного дождя, наполненный пением птиц, треском сверчков и шорохом трав. В голосе было столько любви, что, казалось, она может покрыть грехи всего человечества!

Ух, вот это меня занесло...

Я моргнул и перевел дух. Только сейчас я заметил, что мы не идем, а стоим на месте: возле дома Лазаря, раскрыв рот, причем все без исключения, в том числе и я.

Перед нами стоял человек среднего роста со смуглым лицом, окаймленным темной бородой. Навалившись на дорожный посох, он пронизательным взглядом смотрел на нас, проникая внутрь каждого и читая его жизнь, словно открытую книгу. Его лицо светилось радостью. Распущенные волосы и белые одежды, развивающиеся на ветру, придавали ему некий мистический вид. Словно сам Господь, Царь Израиля, сошел с небес, решив посетить не только людей, но и ослов.

На спине выступила испарина, ноги задрожали, словно я только что родился. Как говорил Левий мытарь, передо мной стоял Тот, кому и Ангелы служили...

Дорога сползла в долину и, вильнув вправо, пошла на север – вдоль потока, называемого Кедрон. Всё ликовало, шумело и веселилось вокруг. И звери, и птицы, и растения – всё пришло в неопиcуемый восторг. Щебет снующих в небесах птах заглушал славословия. Рев пасущихся в долине стад сотрясал окрестности. А ветви деревьев, скрипя и шурша листвою, тянулись к человеку в белых одеждах, восседавшему на осле...

Точнее – на мне.

Я никогда не видел столько народу. Как полноводная река выходит из берегов, так брели люди, идя плечо к плечу. Они шли везде: вдоль ручья, по обочине, по дороге, по склону горы, сзади, впереди, по бокам – только что не летели над нами. А вокруг гудели шофары¹²⁶, звенели кинноры¹²⁷, свистели флейты, грохотали барабаны. Радость переполняла людей и вместе с ними входила в Иерусалим.

Сзади цокала копытами Атанат с пучками нарезанных пальмовых листьев, возвышавшихся над ней, словно башня Мариамны¹²⁸. Мою маму вела под уздцы Сара. Симон шёл рядом, как и сосед-самарянин и прочие соседи – те, что жили слева, справа, и те, что напротив, и те, что за ними, и возле них, и на соседней улице. Шла вся Вифания вместе с Виффагией¹²⁹. Были здесь жители Гефсимании и селения Силоамского, были ходоки из Идумеи, Самарии, Галилеи, Десятиградия, были пришельцы из далеких городов Египта, Сирии и Финикии. Шли иудеи, эдомитяне, эллины, египтяне, галилеяне, эфиопы; жители пустынь и приморских городов; кочевники, земледельцы, ремесленники и священники; грешники и праведники. Казалось, весь мир пришел в движение, приветствуя Царя-Избавителя, который должен возвели-

¹²⁵ Мф. 23:36.

¹²⁶ Шофар (иврит) – рог: музыкальный и сигнальный инструмент, служащий для созыва народа и возвещения важных событий.

¹²⁷ Киннор – древнееврейский струнный музыкальный инструмент, родственник лире и русским гуслиям.

¹²⁸ Башня Мариамны – сторожевая башня на западной стороне Иерусалима; имела высоту 140 футов (40,6 м).

¹²⁹ Виффагия – селение напротив Вифании. Славилось своими смоковничными садами (самоназвание по-еврейски означает «место смоковниц»). Точное местоположение неизвестно, так как никаких следов не сохранилось.

чить Израиль, вознести его над прочими народами, унижить римлян, покорить язычников, и Храм его должен стать святилищем земли, а Иерусалим – столицей мира.

«Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной¹³⁰», – несло со всех сторон. «Вот, Господь объявляет до конца земли: скажите дочери Сиона: грядет Спаситель твой; награда Его с Ним и воздаяние Его пред Ним¹³¹», – кричали люди, подбрасывая вверх пучки шафрана, листья мяты, веточки мирта¹³². Пальмовые ветви хрустели под ногами – и не было хрусту конца...

Тысячи рук тянулись к моему Господину, взывая устами: «Восплещите руками все народы, воскликните Богу гласом радости; ибо Господь Всевышний страшен, – великий Царь над всею землею; покори́л нам народы и племена под ноги наши¹³³».

Тысячи глаз смотрели на Него, причитая с умилением: «Умилосердись, Господи Боже наш, над Израилем, народом Твоим, над Иерусалимом, городом Твоим, над Сионом, жилищем славы Твоей, над царством дома Давида¹³⁴, помазанника твоего, и над храмом великим и священным, над которым наречено имя Твое».

Тысячи ног поднимали пыль, за которой не видно было Масличной горы, а губы шептали: «Воззри на наши бедствия и заступись за нас, и спаси нас скорее ради Имени Своего, ибо могучий Спаситель Ты. Благословен Ты, Господи, Спаситель Израилев¹³⁵».

Тысячи человек били себя в грудь сжатой в кулак рукой, выкрикивая: «Ты всемогущ, Господи! Ты воскрешаешь мёртвых, Ты велик при спасении... Кто как Ты, о Всесильный, и кто сравняется с Тобою, Царь, умерщвляющий и воскрешающий и дающий возродиться спасению! Ты верен Своему слову – воскресить мёртвых. Благословен Ты, Господи, воскрешающий мёртвых¹³⁶!»

Весь город и все паломники, прибывшие на праздник, вышли встречать Того, кто воскресил Лазаря, слух о чём распространился быстрее, чем с ожившего мертвеца спали погребальные пелены. «А где Лазарь?», – кричала толпа и показывала пальцем: «Вон, вон идет рядом с ослом». – «А на осле кто едет?», – спрашивали несведущие и слышали в ответ: «Христос¹³⁷». «Слава Господу, услышал плач Израиля!». «Явил нам Христа!». «Теперь погоним римлян до моря и за морем найдем и погоним», – и стучали учащенно сердца, и замирали голоса, и на глаза наворачивались слезы от умиления, что не напрасно жизнь прожили...

Узрели!!!

Я с трудом воспринимал то, что творилось вокруг меня, мысленно летая вместе с ангелами над землей. В ушах до сих пор стоял шум голосов, когда меня в Вифании собирали в дорогу. «Синар¹³⁸ вот мой возьми, постели на осла», – женщина сняла с себя домотканый набрюшник и отдала апостолам. «Мафорий¹³⁹ очень длинный», – кто-то тряс краями, расши-

¹³⁰ Зах. 9:9.

¹³¹ Ис. 62:11.

¹³² Мирт – род вечнозелёных растений с белыми пушистыми цветками, содержащими эфирное масло.

¹³³ Пс. 46:2–4.

¹³⁴ Давид (1035–965 гг. до н. э.) – второй царь Израиля, родом из Вифлеема, автор «Псалмов Давида». Согласно библейским пророчествам, от Давида (по мужской линии) произойдет Мессия.

¹³⁵ Текст молитвы из «Амиды» – седьмое благословение: «Спасение».

¹³⁶ Текст молитвы из «Амиды» – второе благословение: «Могущество».

¹³⁷ Христос – Помазанник, Мессия; греческий перевод еврейского слова «Машиах».

¹³⁸ Синар – платье, состоявшее из двух половинок в виде передника.

¹³⁹ Мафорий – одежда, заимствованная у сирийских женщин. Большое покрывало на голову, окутывающее почти всю фигуру с головы до пят.

тыми бахромой. — «Пусть свисает, красивей будет». — «Друг, возьми симлу, вчера купил, совсем новая». — «Так некуда класть». — «Под ноги ослу постели». — «Дяденька, вот туника моя, — абсолютно голый мальчик протянул снятую рубашку. — Может, сгодится на что?». — «Да зачтутся тебе дела твои». — «Вот хитон еще». — «А его куда?». — «Туда же, на землю, под копыта». — «Ничего не жалко». — «Свершилось!». — «Пришел!». — «Благословен Ты, Господи, воздвигающий рог спасения».

Сильные и слабые, худые и полные руки стягивали с себя рубахи, халаты, покрывала и передавали стоящим рядом, а те передавали другим. Бардовые, шарлаховые¹⁴⁰, белоснежные, полосатые; льняные, шерстяные, виссонные¹⁴¹; короткие, длинные, подшитые; новые и старые одежды плыли над толпой, двигаясь к центру — туда, где стоял я, купающийся в лучах неожиданно свалившейся на меня славы.

...Покрытый сверкающими одеждами, я шел с гордо поднятой головой, осознавая свое величие. Я — первый в мире Осёл, везущий Мессию, Царя Мира, самого Господа, сошедшего с небес. В мою честь напишут оду, поставят статую или стелу, на которой высекут слова благодарности... Какие — я еще не придумал, но то, что они будут, я не сомневался. Гордыня уже захлестнула меня, закручивая в водоворот самолюбования и самообожания.

Мне казалось, что на моей спине стоит царский трон из слоновой кости со львами из коринфской меди¹⁴², на сиденье которого лежат расшитые золотыми нитями бархатные подушки, набитые лебяжьим пухом. На голове моей возлежит диадема, украшенная по кругу драгоценными камнями, между которыми торчали страусиные перья. Мои копыта — из чистого золота, усыпанные бриллиантами, словно небо звездами. Под ногами — не иссушенная земля, покрытая известковым налетом, не пальмовые листья, чавкающие под копытами, а дорога, мощеная мраморными плитами, покрытая коврами. Сам я огромного роста: чуть ли не десяти локтей в холке и столько же от головы до кончика хвоста. Рев, который я издавал, был слышен за Иорданом, в Перее¹⁴³ Антиповой, и даже за Галилейским морем¹⁴⁴, в Кесарии Филипповой. Передо мной идут рабы, несущие серебряное блюдо, на котором лежит огромная морковь — размером с хорошего упитанного быка. А по бокам топает целое стадо симпатичных ослиц, не сводя с меня своих очаровательных глазок...

— Разбуди его! — голос принадлежал Саре.

— Эй, осёл, вернись на землю! — Иов щелкнул меня по ушам. Все, кто шел рядом, засмеялись.

Издав протяжное «Иааа», я замотал головой, стараясь прийти в себя и сообразить, где я. Мечты испарились, и сквозь сплошное облако пыли я разглядел ворота, угловую башню и часть храмовой стены облепленной людьми. И еще водоем с блеющими овцами, брошенными своими хозяевами.

¹⁴⁰ Шарлаховый — желто-красный или светло-оранжевый цвет, как писал И. Флавий — символ огня.

¹⁴¹ Виссон — ткань, упоминаемая в Священном Писании. Происхождение спорное: или лён, или нить, выделяемая моллюском *Pinnapobilis*. Виссон — символ земли у иудеев.

¹⁴² Сплав из золота, серебра и меди, секрет которого был утерян. Во времена Нового Завета коринфская медь ценилась дороже золота.

¹⁴³ Перее — историческая область Древнего Израиля на восточном берегу реки Иордан. Ныне находится на территории Иордании.

¹⁴⁴ Галилейское море — водоем на севере Израиля. Имеет несколько названий: Тивериадское, Кинеретское или Генисаретское озеро.

Миновав «Овечью купель», мы вошли в пригород и медленно, но неотвратимо приближались к храму. Город гудел. Пыль, поднятая выше крыш, клубилась, застилая полуденное солнце.

Сотни тысячи глаз глядели на въезжающего в Иерусалим, стараясь не пропустить этот торжественный момент. Говорили между собой: «Кто Сей?» И слышали в ответ: «Сей есть Иисус, пророк из Назарета Галилейского». Мысли впитывали сказанное как губка, а губы тут же подхватывали, предавая стоящим сзади: «Имя Его – Бог спасет». «Бог спасет, Бог спасет», – несло по городу от Рыбных ворот на севере до Навозных ворот на юге, от Ссудных ворот на западе до Конских ворот на востоке.

– Благословенны проклинающие нас! – кричали люди, раздирая одежды.

– Благословенны ненавидящие нас! – женщины кидали цветы. Они взлетали вверх и тут же терялись в густом облаке пыли.

– Молитесь за обижающих и гонящих нас! – кричал здоровяк с кучерявой бородой и точно такими же волосами. Он шел впереди процессии, громогласно призывая всех к покаянию. На нем была красная четырехугольная симла, а у пояса висел меч, рукоятка которого была вырезана из тутового дерева.

– Благословен грядущий во имя Господне! – кричал абсолютно лысый человек с трехдневной щетиной, в подоткнутой за пояс тунике и с суковатой палкой в руке.

– Осанна в вышних¹⁴⁵! – отвечала толпа.

– Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему, – кричал человек, размахивая витым шофаром, устье которого было отделано серебром. Рог был бараний, и человек время от времени подносил его к губам и выдувал длинные протяжные звуки.

– Мир на небесах и слава в вышних! – чернобородый великан подхватил ребенка, мечущегося возле ног, подбросил на руках и, прижав к груди, чмокнул в лоб.

«Чудеса, – думал я, взирая на ликующую толпу. – Ничего подобного я раньше не видел». Праздничное шествие взбудоражило город, в то время как полагалась провести неделю в подготовке к Пасхе – в посту и молитве...

Учитель поднял руку – и вся толпа замерла, ловя каждое его слово:

– Вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам, и поругаются над Ним, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его; и в третий день воскреснет¹⁴⁶.

Но люди ничего не поняли и от этого еще больше возликовали. «Осанна в вышних, грядый на небесах!» – толпа загудела, размахивая руками. Ударили в барабаны, бубны, загремели трещотки, завыли трубы и рога. Ученики же его в один голос вскричали: «Благословен Царь, грядущий во имя Господне! Мир на небесах и слава в вышних!», – чем еще больше завели ликующую толпу.

И тут же со стен в ответ раздались сначала нестройные, но потом всё более организованные и слаженные голоса фарисеев. Сложив руки рупором, забравшись на самые зубцы, они закричали: «Учитель! Запрети ученикам Твоим».

Он сказал тихо, но так, что слышали все. И те, кто шел рядом, и те, кто стоял на стенах, башнях, крышах, на окрестных холмах; и приветствующие его, и злобствующие на него.

¹⁴⁵ Осанна в вышних – «Спаси, на высотах»; «Спаси, живущий в вышине» (досл. «Спаси, живущий на небе»): обращение непосредственно к Богу.

¹⁴⁶ Мк. 10:33–34.

– Сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют, – глядя на город, Он заплакал. – О, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих¹⁴⁷...

И мы вошли в Иерусалим!

– *Сбылось пророчество!* – буркнул я, машинально, сам того не замечая, издав тихое ослиное «Иааа...».

И тут произошло то, чего я никак не ожидал. Рука того, кто ехал на мне, легла на мой загривок. От неё исходило необыкновенное тепло. Блаженство разлилось по всему моему телу, проникая до самых кончиков отросшей за зиму шерсти.

Я понял, что нет ничего вечного на земле. Трон из слоновой кости развалился, камни выпали из диадемы, а саму диадему украли воры, расшитые подушки поела моль, а я из великана, попирающего миры, превратился в грудку костей...

Уши обвисли, на глаза навернулись слезы. За какое-то мгновение я проникся никчемностью своих мечтаний, всей суетностью земной жизни. Зачем мне богатства, зачем услада, если там, на Небесах, истинная жизнь? Как туда попасть, я не знал, но это знал мой Господин. Я вспомнил слова из псалма, который по ночам пела Сара, и тихо запел, бормоча себе под нос: «Возлюблю тебя, Господи, крепость моя! Господь – твердыня моя и прибежище мое, Избавитель мой, Бог мой, – скала моя; на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего и убежище мое. Призову достопоклоняемого Господа и от врагов моих спасусь¹⁴⁸».

Тут я вздохнул, отчего получил немой укор от Сары в виде её болтающейся из стороны в сторону головы. Но мне было всё равно, что думают обо мне люди. Я сделал свой выбор. Я пойду за Господином моим хоть на край света – хоть в Египет, хоть в Рим, и если надо – приму...

Немного замялся, страшась того, что должен был сказать. Подумал, что Господин милостив и не допустит гибели моей, когда придет час мой. Еще раз вздохнул и выдавил из себя: «...приму смерть за Господина моего». Вспомнил, что еще пела Сара, и тут же зашептал: «И воздал мне Господь по правде моей, по чистоте рук моих пред очами Его. С милостивым Ты поступаешь милостиво, с мужем искренним – искренно, с чистым – чисто, а с лукавым – по лукавству его, ибо Ты людей угнетенных спасаешь, а очи надменные унижаешь. Ты возжигаешь светильник мой, Господи; Бог мой просвещает тьму мою¹⁴⁹...».

¹⁴⁷ Лк. 19:40, 42.

¹⁴⁸ Пс. 17:2–4.

¹⁴⁹ Пс. 17:25–29.

Девятое нисана. День второй (понедельник)

Глава 6. Пилат всемогущий

...ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше. Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то всё тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?

Евангелие от Матфея, 6:21–23

Откинув льняное покрывало, служившее одеялом, Пилат сел на походной складной кровати, опершись о край постели сильными руками. Сквозь стенки армейской палатки пробивался жидкий свет от нового зарождающегося дня – тридцатого марта года консульства Сервия Гальбы и Луция Корнелия Суллы¹⁵⁰.

Мимо протопал караул, через некоторое время ударили в гонг два раза, извещая, что до конца четвертой стражи¹⁵¹ остался один час; в соседней палатке крякнул петух – и заткнулся, придушенный властной рукой авгура¹⁵².

Префект улыбнулся и встал.

Ветерок от его движений качнул тонкую ажурную занавеску, за которой спала его жена, закутавшись с головой в покрывало от назойливых мух. Клавдия лежала, уткнувшись лицом в подушку, приткнутую к резной спинке походного дивана. Их дочь спала в соседней палатке.

Стараясь не шуметь, Пилат откинул полог и вышел. Возле входа его уже ждал раб с подносом, на котором стояли кувшин с водой; мраморная вазочка с зубным порошком из соды, смешанной с медом и приправленной кориандром; флакон из темного стекла с душистой липовой водой для полоскания рта; чистое полотенце, оливковое мыло, кисточки для зубов и палочки для чистки ушей.

Не останавливаясь, префект прошел мимо раба, зашел за палатку, встал лицом к восходящему солнцу и, задрвав тунику, принялся орошать иссохшую землю, одновременно наблюдая за легионерами, назначенными собирать хворост и выходящими из лагеря в сопровождении кавалерийской турмы. Сзади, утопая в клубках белой пыли и подпрыгивая на колдобинах, ехала повозка, груженная пронумерованными топорами.

Пилату было за пятьдесят. Крепкого телосложения, чуть выше среднего роста, с огромной копной черных, вьющихся волос на голове. Левую половину лба украшал бледно-розовый шрам, протянувшийся от виска до переносицы параллельно брови. Обстоятельства, при которых он был получен, не вызывали у Пилата радостных воспоминаний: гордиться было нечем, и этой темы он старался не касаться.

Весьма способный и толковый администратор, на третьем году своего правления, в консульство Фуфия и Рубелия¹⁵³, будучи еще прокуратором, он здорово прогнул перед Тибе-

¹⁵⁰ Правление Сервия Гальбы и Луция Корнелия Суллы приходилось на 33 г. н. э.

¹⁵¹ Ночная стража делилась на четыре равных части, по три часа, с 18:00 вечера до 6:00 утра.

¹⁵² Авгур – жрец, гадающий по поведению птиц.

¹⁵³ Правления Гая Фуфия Гемина и Луция Рубелия Гемина приходилось на 29 г. н. э.

рием. В день рождения Августа¹⁵⁴ он приказал внести в Иерусалимский храм щиты с надписями «Тиберий Кесарь» и с изображением священного литууса¹⁵⁵, чем поверг иудеев в неопишумый ужас. О последствиях до сих пор шепчутся по всей провинции, пересказывая, как, встав на колени, иудеи обнажили шеи, вскричав, что скорее дадут себя убить, чем переступят закон. Он убил бы их всех за то, что они отвергли императора, или император, любивший повторять: «Преступление против Августа – преступление против Рима», – убил бы его.

Но Пилат не был бы Пилатом и не просидел бы в кресле наместника и года, если бы не обладал одним редким даром – сообразительностью. Выслушав вопящих евреев, прокуратор приказал солдатам задвинуть мечи в ножны и вынести сигны¹⁵⁶ из храма. Радости евреев не было предела: они думали, что своей стойкостью – поставили «варвара» на место.

Как они ошибались...

Через три дня из Кесарии Палестинской на остров Капри¹⁵⁷ ушла триера¹⁵⁸ с посольным, который вез две восковые таблички. На первой рукой Пилата было описано всё, что произошло в храме, а на второй – предложение, как наказать иудеев.

Тиберий обладал феноменальной памятью на всевозможные мелочи, был щепетильным и злопамятным. Годами мог сдерживать свой гнев, плетя паутину, в которую тот, для кого она плелась, в конце концов попадал. Будучи еще квестором¹⁵⁹, Пилат стал свидетелем разговора между Помпеем Макром и Тиберием. На вопрос претора, привлекать ли к суду за оскорбление величества, император, сжав губы, процедил: «Законы должны исполняться». И исполнял он их с крайней жестокостью.

Ответ от императора пришел в день декабрьской иды¹⁶⁰ в консульство всё тех же Фуфия и Рубелия.

Тиберий Цезарь Август приветствует Пилата.

Всё, что я о них ранее слышал, достойно осуждения. Всё, что ты о них сказал, достойно смерти. Но смерть будет им в радость. Не дай им повода возрадоваться, вознеся себя выше императора, а Иерусалим – более Рима. Сделай как ты сказал – и мы посмеемся над ними.

P. S.

Если я получу хоть одно письмо с жалобой на тебя, я возвеличу тебя.

Получив письмо, Пилат рьяно взялся за дело. Уже через месяц на всех базарах Иудеи в обороте была лепта с изображением всё того же литууса и надписи Тiвeрiоy Kaicарoc¹⁶¹. Все монеты, которые выпускались до этого, чеканились в духе еврейских традиций: с венками, колосьями и пальмами. То, что сотворил Пилат, шло вразрез с иудейской верой. Как говорили евреи, «и был плачь по всей стране и скрежет зубов от бессилия». Деньги есть деньги. Языческий символ жег руки, опустошал души, но наполнял карманы благочестивых евреев богатством. И чем языческих кругляков было больше, тем быстрее забывал иудей о своем обете, данном Богу.

¹⁵⁴ Тиберий родился 16 ноября.

¹⁵⁵ Литуус – посох с закруглением на конце, символ царской власти. По легенде Ромул пользовался им при основании Рима.

¹⁵⁶ Сигна – особый отличительный знак: металлическая пластина на длинном древке с выбитым на ней изображением.

¹⁵⁷ Начиная с 26 года Тиберий практически безвыездно жил на Капри, где у него было двенадцать вилл – по числу олимпийских богов.

¹⁵⁸ Триера – боевой корабль с тремя рядами весел.

¹⁵⁹ Квестор – помощник наместника провинции, ведающий главным образом финансами.

¹⁶⁰ Ида – середина месяца; от этрусского *iduate* («делить»).

¹⁶¹ Такая лепта была введена в оборот в 30 году н. э.

В марте Пилат стал префектом, поднявшись на предпоследнюю ступеньку, отделявшую его от долгожданной пурпурной полосы¹⁶² на собственной тунике. Вместе с благосклонностью Тиберия он получил неограниченную власть – казнить и миловать.

Приведя себя в порядок, префект вошел в авгурал – импровизированное святилище, устраиваемое в условиях походной жизни в отдельной палатке, справа от палатки наместника. Заспанный жрец стоял, покачиваясь, между двух статуй: Меркурия и Венеры. На жертвеннике дымились угли, а в углу на бронзовой чаше лежал петух – тот самый, что не дал авгуру спать.

– Ты хочешь сказать, что мы сегодня остались без ауспиции¹⁶³?

– У меня есть голубь, – вяло сказал предсказатель, сетуя на то, что наместник заметилдохлого петуха.

– Умываясь, я видел коршуна, который кружил над горой. Не думаю, что, выпустив голубя, ты не накормишь его.

– Боги милостивы. Если ему суждено стать добычей коршуна – это плохой знак, а если суждено спастись – это хороший знак.

– Смотря для кого. Лично для коршуна голубь в небе – это хороший знак, – Префект развернулся и вышел из палатки, слыша, как за спиной обиженно засопел авгур.

В тот момент, когда Пилат откидывал полог, запели сигнальные трубы и лагерь наполнился приветствиями – обязательная процедура как неотъемлемая часть римского устава. Солдаты группами ходили по палаткам, приветствуя младших офицеров, те в свою очередь шли к центурионам, центурионы приветствовали трибунов, а последние искали легата, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение. В данном случае легатом был Пилат, который с удовольствием принимал сыпавшиеся со всех сторон здравницы.

Золотой диск поднялся над горизонтом, светя прямо в глаза. Римский лагерь был разбит у подножия Скопуса¹⁶⁴ – горы на северо-западной окраине Иерусалима. С её уступов открывался величественный вид на город, белоснежный храм в окружении мраморных колоннад и виднеющуюся в дымке трехглавую Масличную гору.

«Поспешай медленно», – любил повторять Пилат слова Августа¹⁶⁵ – своего кумира и почитателя. Цитировал он его изречения на каждом углу, но делал это мысленно, не показывая своего почтения к давно умершему императору, чтобы не вызвать ярость того, кому был обязан префектурой. Тиберий не любил отчима, и всякое напоминание о нем вызывало злобу, а всякое сравнение – ярость.

Исходя из данного выражения, пятый префект Иудеи не торопился въехать в «столицу¹⁶⁶» своей провинции. Сказать, что он не любил Иерусалим, – значит не сказать ничего: он этот город ненавидел. Утомляли нескончаемая суета, вечно палящее солнце, известковые плоскогорья и пронырливые, дотошные евреи, сующие нос везде, где можно. Жители этого города были неуправляемы, вспыльчивы, набожны и фанатичны. Они продавали и покупали всё и всех, учили и воспитывали всё и всех и презирали всё и всех, даже себе подобных.

Вдобавок ко всему они не умели или не хотели признавать себя виноватыми, что порождало многочисленные конфликты. Считая себя всегда правыми, иудеи были заносчивы и нетерпеливы. Сначала дали ему деньги на строительство водопровода, а потом, когда рухнула Сило-

¹⁶² Пурпурная полоса на тунике – знак сенаторского достоинства.

¹⁶³ Ауспиция – «птицегадание»: гадание по поведению птиц.

¹⁶⁴ Гора так названа из-за располагавшихся там дозоров. Скоп – «дозор», «сторож» (И. Флавий. Иудейская война).

¹⁶⁵ Октавиан Август (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.) – римский император, внучатый племянник Цезаря.

¹⁶⁶ Официально столицей Иудеи считалась Кесария Палестинская.

амская башня¹⁶⁷ и погребла под собой восемнадцать каменщиков, обвинили его в том, что он самолично взял корбан¹⁶⁸ из храмовой казны и этим навлек беду на город, вызвав своим святотатством Божий гнев.

«Если у криворукого родится криворукий, то прежде всего винят отца, а не соседа», – сказал он им, прежде чем отдал приказ солдатам бить палками иудеев, которые поносили и его, и императора. Поколотили немногих, больше было задавленных от скученности и неуправляемости толпы. «Дубина в руке солдата была им наукой. А то что, учась, подавилось множество людей, так это от их тяги к знаниям», – писал он императору, защищаясь от нападок иудеев, обвинявших его в жестокости и неуважении их законов. Ответ не замедлил прийти: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись».

В храме три раза протрубили в рог, извещая жителей города и бесчисленные толпы паломников, ночевавших вокруг города, об открытии ворот. Приближалась Пасха, и каждый правоверный иудей обязан был войти в храм и вознести жертву Богу Израиля.

Не успели стихнуть шофары, как огромные гурты и отары скота в тучах пыли и осоловевших от крови оводов мыча, бляя и ревя потянулись к городу по окрестным дорогам, чтобы стать Пасхальными агнцами и быть закланными после полудня в четырнадцатый день нисана. Караваны верблюдов и ослов, груженные всем чем можно, непрерывным потоком потекли в город, расплываясь по узким улочкам. Город заволновался и загудел, напоминая растревоженный пчелиный улей.

Стук колес по камням вернул Пилата к действительности. Уступив дорогу водовозу, спешащему к дымящейся кухне, префект прошел мимо своей палатки, куда одна за другой запархивали стройные рабыни, и направился к раскидистому платану, в тени которого уже стоял стол, окруженный диванами. Завтракать должны были трое: Пилат, Клавдия и Петроний – командующий когортой римлян, расквартированной в претории. Все остальные могли лишь ожидать, мечтая, когда префект соизволит позвать их к столу. Это правило не распространялось лишь на двух людей: Ирода Антипу¹⁶⁹ – тетрарха Галилеи и Пиреи – и Помпония Флакка – наместника Сирии, куда входила Иудейская провинция. Ирода он ждал после обеда, а Флакк был далеко – в своей благоухающей Антиохии, под охраной двух легионов.

За завтраком надо было решить, покинуть лагерь до захода солнца или задержаться еще на сутки. Сегодня был день Луны, а завтра – Марса, весьма несчастливый день. Во вторник не совершали жертвоприношений, не отправлялись в путешествие и не женились. Он не очень верил во все эти приметы, но должность обязывала соблюдать хотя бы минимум почтения и приличия к богам, праздниками и приметам.

Рассудив, что новостей, привезенных Петронием и Иродом, хватит, чтобы принять решение, Пилат прилег на диван, сказав рабу, чтобы тот подал ему легкого вина и ящик с почтой, полученной из Рима.

Вскрыв печать, префект нашел в ящичке три восковых таблички, свиток пергамента, перевязанный кожаным шнурком, и маленький деревянный скребок для удаления воска. Почта была от Луциния – брата его жены. Пергамент содержал подробное описание Иудеи, а письма

¹⁶⁷ Силоамская башня – находилась в юго-западной части Иерусалима. Во время описываемых событий башня представляла собой груду развалин.

¹⁶⁸ Корбан – «священный клад»: сокровищница, хранящаяся в Иерусалимском Храме. Дословно – «приближение»; смысловое значение – приближение человека к Богу через преподнесение ему даров, в данном случае – через жертву деньгами.

¹⁶⁹ Ирод Антипа (20 г. до н. э. – 39 г. н. э.) – правитель Галилеи и Перее с титулом тетрарха («четвертовластник», правитель четвертой части от царства).

– одно пояснения к пергаменту, второе – последние новости из Рима, а третье – к жене Пилата от жены Луциния.

Письмо для Клавдии он пробежал глазами и отложил в сторону: муж должен знать, о чем думает его жена, о чем ей пишут и что пишет она. В империи стало беспокойно, и его обязанность – знать, о чем шепчутся не только квесторы.

На комментариях задержался чуть дольше, наслаждаясь мягкостью слога, каким писал Луциний: «Посылаю тебе выдержки из Страбоновой «Географии». Как ты и просил, я упорядочил некоторые его сочинения и систематизировал всё, что он написал об иудеях и их стране. Сведений немного, но живость языка, которым великолепный Страбон изложил свою «Географию», доставит тебе явное удовольствие от прочитанного». Пилат покосился на пергамент и, преодолев тягу к знаниям, взял в руки письмо с новостями.

Луциний Пилату – приветствую!

Рим погряз в разврате, во всём подражая островитянину¹⁷⁰. Доносы, казни, извращения поглотили великий город. Нет дня, когда наш принцепс думал бы о государстве более, чем о своих похотях. Поговаривают, что он завел особые постельные комнаты, гнезда потаенного разврата, где собранные отовсюду девочки и мальчики...

Дальше Пилат не стал читать. Вынул из сундучка скребок и одним движением счистил всё, что там было написано. Как говорится, береженого боги берегут. Сменив позу с лежачей на сидячую, префект сдул с таблички восковую стружку и втоптал её ногой в белую известковую пыль, покрывающую окрестности гор, одновременно думая от том, что не все Прокулы плохо кончили, но Луцинию точно не сносить головы за его длинный язык.

С некоторых пор префект Иудеи стал осторожным, малопоющим и неболтливым. Причина крылась в том, что человек, который подвинул¹⁷¹ ему под зад кресло прокуратора, – префект преторианской гвардии, консул Луций Элий Сеян¹⁷² – был обвинен в измене, арестован и казнен. В ходе следствия выяснились такие подробности, о которых страшно было помыслить, не то что сделать. Тот, кому доверял Тиберий, отравил Друза – сына Тиберия. Для этой цели Сеян развратил Левиллу, жену Друза и невестку Тиберия. Пообещав на ней жениться, уговорил, чтобы та ежедневно подмешивала своему мужу в пищу яд. Когда всё вскрылось Цезарь приказал казнить Сеяна и его детей, заморить голодом Левиллу и взять под стражу Апикату – первую жену Сеяна, но та, страшась пыток, опередила преторианцев, посланных за ней, и покончила с собой.

Тетива была спущена...

Империя заходила ходуном, захлебываясь в крови консулов, преторов и легатов. Дня не проходило без казни, будь то праздник или заповедный день¹⁷³. Обвинителям, а часто и свидетелям назначались любые награды. Конфисковывались имения, отбирались рабы, вывозилась мебель, уводился скот – всё шло в оплату услуг доносителя, ибо никакому доносу не отказывали в доверии.

Префект взял со стола серебряный кубок, наполненный вином, посмотрел на раба, стоявшего недалеко от платана, и одними веками подозвал к себе. Словно молния, метнулся раб к столу, выхватывая из-за пояса деревянную чашку. Мгновение – и струя вина ударила по дну

¹⁷⁰ Прозвище, данное народом Тиберию.

¹⁷¹ «Сеян был настолько могущественным, что свести знакомство с его рабами-привратниками почиталось великим счастьем!» (из речи римского всадника Марка Теренция на суде).

¹⁷² Луций Элий Сеян (20 г. до н. э. – 31 г. н. э.) – командующий преторианской гвардией, консул, временщик при императоре Тиберии.

¹⁷³ Праздники посвящались небесным богам, заповедные дни – подземным богам.

чаши, заливая края темно-бордовым творением Бахуса¹⁷⁴. Пилат вздохнул и засопел, ожидая, когда раб допьёт вино. Слуга допил и склонился в поклоне, прижав чашу к груди.

– Налей и иди, – Пилат лег на диван, думая о превратностях судьбы. У Сеяна было всё, что нужно человеку для счастья: слава, золото, рабы, имения, приносящие в год более ста миллионов сестерций¹⁷⁵. И это притом, что еще Август установил имущественный ценз для сенаторов в миллион, а для всадников – в четыреста тысяч сестерций. Сам виноват. Жалко было только Элию Юниллу, одиннадцатилетнюю дочь Сеяна. Старинный обычай запрещал убивать девственниц, и её отдали палачу, который надругался над ней, растлив, после чего девочку задушили удавкой, а труп выбросили на Гемонии¹⁷⁶.

– О времена, о нравы¹⁷⁷! – сказал он вслух, наслаждаясь терпким вкусом фалернского вина, привезенного из Рима.

Глава 7. Притча о неразумной смоковнице

Иерусалим! Иерусалим! избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст. Сказываю же вам, что вы не увидите Меня, пока не придет время, когда скажете: благословен Грядый во имя Господне!

Евангелие от Луки, 13:34–35

Скажу вам как на духу: я не спал всю ночь. Только вздыхал громко и протяжно, не давая уснуть скотам во дворе и людям в доме...

Светильник в горнице задули под утро. Не знаю, о чём они там шептались, но я бы на их месте тоже не заснул. Слишком много чего произошло за один день, слишком сильно было потрясение людское, слишком велико было искушение сказать: «Я видел Мессию, входящего в Иерусалим. Я открывал городские ворота, впуская Праведника в город Святой. Я играл на свирели, видя Спасителя, озирающего царство Свое. Я шел одесною¹⁷⁸ от Судии Небесного. Я касался одежд Царя Иудейского», «Я... я... я...» – только и могли говорить люди, хвастаясь друг перед другом.

Я тоже там был. И вообще, это я ввез Его в Иерусалим, а потом в Храм, чем привел книжников и фарисеев в неописуемый ужас. Так-то.

«Уймись, Хамарин, – пронеслось в голове. – Что ты творишь, о чем ты думаешь? Разве забыл, что говорил Господин твой: «Так будут последние первыми и первые последними, ибо много званых, а мало избранных¹⁷⁹»?»

Я покрутил головой, разминая затекшую шею, и переступил с ноги на ногу. Деревянный настил скрипнул, издав протяжное «уиии». От страха я сжался, одновременно прикрыв глаза, прикидываясь спящим. Но никто не вышел из дома, никто не слетел с насеста: всё было тихо и мирно, за исключением трещащих без умолку цикад.

«Разве тебе это нужно, разве этого ты хотел?», – в битву за мою совесть вступил внутренний голос. – «Да, вроде нет». – «Вот и правильно, зачем тебе это?» – «Ну не знаю – может,

¹⁷⁴ Бахус – древнеримский бог виноделия.

¹⁷⁵ Сестерций – римская медная монета: ¼ динария. Легионер при увольнении со службы разово получал 20 000 сестерций.

¹⁷⁶ Гемония – высеченная на скалистом склоне Капитолийского холма (в Риме) лестница, по которой стаскивались в реку Тибр трупы казнённых.

¹⁷⁷ O tempora, o mores! (лат.) – самое известное выражение Цицерона, обличающее наглость преступников и бездействие властей.

¹⁷⁸ Одесную – справа.

¹⁷⁹ Мф. 20:16.

чтобы важничать?» – где-то в глубине души вспыхнул и погас костер тщеславия. – «Перед кем – пред такими же ослами, как и ты?». Я дернул ушами, не зная, что ответить, и засопел обиженно. «Перед курами, баранами, козлами – перед кем? – продолжал бичевать меня голос. – Перед кем ты собрался пыжиться и надувать щеки? Может, перед псами, свиньями или лошадьми? Обернись вокруг себя, посмотри: ты такой же, как все. Ты – скот Божий».

«Я скот Божий?! Я скот Божий!», – искра божественного света внезапно осветила мой затуманенный мозг. Кажется, я нащупал ту путеводную нить, которая приведет меня к Господину. Я буду самым смиренным скотом в его стаде. Почему я подумал, что он пастух, я не знаю... Мне так показалось. Мне так хотелось. Люди – те же овцы, только двуногие. И чем я дольше думал, тем больше в этом утверждался. Он – Пастырь, пасущий свое стадо: куда он – туда и я, что велит – то и сделаю, как скажет – так и будет.

Свежие мысли сбили с меня спесь и чванливость. «Ух!», – я выдохнул, выпуская из себя злых духов, и тут же сомкнул рот, удерживая дыхание, чтобы духи не вернулись. Подождал некоторое время и открыл глаза.

Появление в жизни цели ничего не изменило: я был всё в том же загоне, всё в том же дворе возле дома Симона-горшечника. Как говорила моя Атна, «чтобы хорошо поесть, надо хорошо поработать, а чтобы что-то изменить – надо родиться человеком, потому что только у людей есть право выбора».

«И у ослов», – впервые в своей жизни я был упрям как никогда. С первыми звуками шофара, опережающего крик петуха, я вышел на улицу и потопал к дому Лазаря, мысленно повторяя то, что я хотел сказать Господину: что ни на шаг не отстану, ни на минуту не оставлю, ни слова не упущу. Это была моя жертва Хозяину. Я не представлял, что буду делать, когда он будет в доме, в храме или в синагоге, когда из-за скопления людей я не смогу протиснуться к нему, но я твердо знал: я буду ему верным слугой.

На улице было свежо, темно и тихо.

Мысли носились в моей ослиной голове, словно пчелы, обкуренные пасечником. Разбушевавшийся не на шутку рой готов был сорвать крышку черепа и унести её за Кедрон. Огромным усилием воли я подавлял в себе всё, что касалось алчности, гордыни, некой избранности, возложенной на меня особой миссии по спасению народа израильского. От необузданной фантазии закружилась голова и некогда рассыпавшийся на части трон, словно призрак, восстал из мрака ночи. Возник передо мной темным пятном, протягивая ко мне свои крючковатые руки с огромными растопыренными пальцами. Трон смотрел на меня своими расширенными зрачками, говоря: «Посиди на мне, Хамарин, отдохни», – и шептал в такт шевелящимся рукам что-то типа «ши-ши-ши»...

– **Трон, ты живой?**

– **А ты как думал?**

– **Ух ты! Здорово-то как!**

– **А вот так!** – он взял и ткнул мне пальцем в глаз.

– **Ай, ты что дерешься, трон!** – я заморгал, стараясь унять боль.

– **Я не трон, дурень, раскрой глаза.**

– **Кто же ты?** – я старался как можно быстрее избавиться от искр, мерцающих передо мной, чтобы посмотреть, с кем это я разговариваю. – **Дерево?**

Пелена спала с глаз.

Передо мной красовался ствол в форме изогнутой седловины с торчащими во все стороны растопыренными, крючковатыми ветвями. Я стоял на склоне горы возле буйно разросшейся смоковницы, не понимая, как я сюда попал. Огромная крона, покрытая листвой, шумела на ветру: «Ши-ши-ши». Листочки дрожали на ветру в ожидании солнечных лучей, которые уже перескочили через макушку Масличной горы и бежали вниз по склону, догоняя группу людей, не спеша идущих в мою сторону.

Это Он...

Он вернулся за мной. Он не забыл меня. Да и кто забудет такого красавца, скакуна, умницу, да и просто симпатичного ослика с дымчатой шерсткой и необычно выразительным умным взглядом! Я топнул ногой, мотая гривой. Кажется, меня опять понесло...

Всё, стоп, тормози, Хамарин. Не за этим ты сюда пришел, точнее тебя привели. Кто привел и зачем, я промолчу – из скромности. Я посмотрел на человека в белом хитоне и прошептал: «Господин, если слышишь меня, пошли мне знамение!»

Вытянул шею, наострил уши и стал ждать.

За Ним шли Его ученики, ученики учеников, мужчины, женщины, старики, дети; одних несли, других вели, а в основном все шли сами. По-родственному, галдя и суетясь, дружная толпа веером спускалась с горы, радуясь еще одному дню, проведенному с моим Господином. Людей было немного – не столько, сколько вчера, но достаточно, чтобы сказать: не меньше чем домов в Вифании и Виффагии.

По мере того как люди подходили, я стал слышать голоса, различать слова, обрывки речи, и наконец до меня донеслось: «Вспомните, как в пределах Далмануфских¹⁸⁰ подступили книжники и фарисеи, искушая: «Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение¹⁸¹». Сказано было им тогда: «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему¹⁸²...».

Ветер рванул крону – и дерево зашелестело, издавая свое привычное «ши-ши-ши». За этим «ши-ши-ши» я не расслышал, что было дальше.

Но и услышанного хватило сполна.

«Знамение не дастся ему», – повторил я и, пятась задом, сполз в канаву, заполненную густым вонючим илом, перемешанным с землей, сучьями и мятой прошлогодней листвой. Такие промоины всегда образовывались ранней весной. Обильные дожди в месяц адар¹⁸³ порождали множество ручьев, которые точили землю, наполняя промоины всем тем, что приносили с западных склонов. Всё это пахло сыростью, грибами и плесенью. Ноги до половины увязли в топкой холодной массе, не давая возможности быстро выбраться и поскакать навстречу Хозяину. Я посмотрел на себя и обомлел: черные ноги, перепачканное брюхо, бока, забрызганные точками грязи... Ну не свинья? Нет, в таком виде я не мог предстать перед Господином. Я лег на брюхо и притих, дыша через раз. С каждым мгновением я всё четче и четче слышал голоса и топот ног.

Люди подошли и остановились возле дерева.

«Посмотри, Учитель, вот, смоковница покрытая листвой, а те, что мы прежде видели, были голые. Поищем плоды на ней», – голос был молодой, но не звонкий – не такой, как у Иова, с баском, а какой-то певучий. Не видя юноши, я мог бы сказать, что ему около двадцати. Хотел выглянуть, чтобы проверить свои догадки, но ил противно чавкнул, не желая меня отпускать.

«Дивное дело... Идет месяц первых плодов, а плодов нет, – вновь зазвучал тот же голос, что предлагал поискать плодов. «Да не будет же впредь от тебя плода вовек». Я узнал голос. О чем сказал мой Господин, я не понял. Не видя говорящих, я мог только догадываться, что там делается и о чём идет речь.

«Оооо...», – возглас всеобщего удивления прокатился по склону. Учитель, посмотри, смоковница засохла» – сказал кто-то – и тень говорившего легла на меня. Я задрал голову, разгля-

¹⁸⁰ Предположительно селение находилось на северо-западном берегу Тивериадского озера. В 2013 г. археологи недалеко от г. Магдалы обнаружили остатки древнего городища. Возможно, это и есть библейская Далмануфа.

¹⁸¹ Мф. 12:38.

¹⁸² Мф. 12:39.

¹⁸³ Адар – месяц, предшествующий нисану (февраль-март).

дывая фигуру, закрывшую мне свет. Человек стоял ко мне спиной, но я сразу узнал его – тот самый кучерявый здоровяк с мечом, что вчера кричал: «Молитесь за обижающих и гонящих нас!». Кажется, его зовут Петр... или Симон? Я запутался... или меня специально запутали те, кто называл его то Петром, то Симоном. Надо будет спросить у Атнаг, кто он – «камень» или «слушающий». Наверно, все-таки камень: ишь какой мощный.

«Истинно говорю вам, если будете иметь веру и не усомнитесь, не только сделаете то, что сделано со смоковницею, но если и горе сей скажете: поднимись и ввергнись в море, – будет; и всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите¹⁸⁴».

Так, одновременно строго спрашивая и нежно лаская, мог говорить только мой Господин.

«За кого почитаете Меня?» – спросил Он. «Ты – Христос, Сын Бога Живаго», – тень качнулась, склоняя голову в поклоне. «Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты – Петр¹⁸⁵, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах¹⁸⁶».

Все-таки он «камень».

И тут же я вспомнил притчу про дом на камнях, услышанную в прошлом году. На праздник Кушей¹⁸⁷ приходил к Симону родственник издалека и, сев под пальмой, постоянно озираясь, стал рассказывать горшечнику, что творится у них в Галилее. В какой-то момент родственник отхлебнул вина и, притянув Симона за шею, зашептал ему в самое ухо: «И говорит тогда пророк сей: «Что вы зовете Меня: Господи! Господи! – и не делаете того, что Я говорю? Всякий, приходящий ко Мне и слушающий слова Мои и исполняющий их, скажу вам, кому подобен. Он подобен человеку, строящему дом, который копал, углубился и положил основание на камне; почему, когда случилось наводнение и вода напёрла на этот дом, то не могла поколебать его, потому что он основан был на камне. А слушающий и не исполняющий подобен человеку, построившему дом на земле без основания, который, когда напёрла на него вода, тотчас обрушился; и разрушение дома сего было великое¹⁸⁸».

Больше всего мне понравилось про слушающих и исполняющих – подобных строителям, что на камне возводят дом свой.

Пока я копался в памяти, разбирая вспоминая, – прослушал всё, что было сказано возле смоковницы. Голоса удалялись, и пришлось сильно напрячься, чтобы расслышать, что рассказывал мой Господин: «...некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней, и не нашел; и сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает? Но он сказал ему в ответ: господин! оставь ее и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом, – не принесет ли плода; если же нет, то в следующий год срубишь её¹⁸⁹».

Люди ушли, и я остался один.

«Пора вылезать!» – решил я и стал выбираться из липкой вонючей каши. Но не тут-то было: все попытки залезть вверх обрекались на провал. Копыта буксовали по мокрому склону, и я все время падал на брюхо, сползая в канаву. Даже куста не было, чтобы я мог зацепиться за него зубами и вытянуть себя из болота. Так и барахтался, пока не выбился из сил.

Кажется, я капитально влип...

¹⁸⁴ Мф. 21:21–22.

¹⁸⁵ Петр (с греч.), Кифа (с араб.) переводится как «камень».

¹⁸⁶ Мф. 16:15–19.

¹⁸⁷ Праздник Кушей (Суккот) – праздник сбора плодов, во время которого люди должны жить в «кущах» – шалашах.

¹⁸⁸ Лк. 6:46–49.

¹⁸⁹ Лк. 13:6–9.

Я робко позвал: «Иаа...» Постоял, прислушиваясь, в надежде что меня услышат. Ни звука. Прочистил горло и крикнул: «Иа!», – и тут же чуть громче: «Иа-иа!». И наконец заорал во все горло: «Иаааа!...». Ответом мне была идеальная тишина: даже смоковница не шелестела.

«Надо было раньше кричать, когда здесь люди стояли, кинули бы веревку на шею и вытянули», – внутренний голос, как всегда, был прав. – «Прости! Я оробел». – «Оробел он! Давай вон вниз по канаве». – «А зачем по канаве-то идти?» – «Дурак ты, осёл. Вниз, не вверх. Навались грудью и гребни копытами, как веслами: авось к вечеру дойдешь до Кедрона. Там и помоешься».

Все-таки я вернулся, чтобы посмотреть, что произошло со смоковницей. Как говорил мой дед, которого я никогда не видел, любопытство – не порок, а черта нашего ослиного характера. На дерево, некогда украшенное пышной шевелюрой, страшно было смотреть. Те листочки, что шептали мне «ши-ши-ши», теперь издавали сухой треск, рассыпаясь и опадая от малейшего дуновения ветерка. Белый ствол с ввалившейся, разохнувшейся седловиной и высохшими ветвями был похож на обглоданный скелет. Под деревом лежала его крона, которая таяла на глазах, разносимая по долине ветром.

«В чём же ты провинилась, неразумная смоковница?» Дерево молчало... издавая душе-раздирающий хруст. Его жизнь была закончена, я это знал, поэтому оно и молчало. Я вздохнул тяжело и протяжно.

– Грустишь?

От неожиданности я шарахнулся в сторону, косясь на канаву. Рядом со мной стоял Иов, неслышно подошедший и вставший рядом. На плече у него был топор, только что купленный на рынке в Иерусалиме. Гадоль со всего размаха всадил топор в безжизненный ствол.

– Посторонись, – он отодвинул меня от дерева, снял плащ, подаренный ему Сарой, подоткнул тунику за пояс, поплевал на руки и выдернул топор. – Пока я буду рубить, я расскажу тебе кое-что... Ты же у нас осёл ученый, всё понимаешь, всё знаешь, только не говоришь. А спросить хочешь – ведь так? – Иов посмотрел на меня и подмигнул.

Скрываться было бессмысленно, и я кивнул.

– Я так и знал... Когда я первый раз тебя увидел – стоящего под пальмой, свернувшего уши вместе с шеей в сторону вечно празднословящего левита, – еще тогда у меня зародились подозрения о твоих особенностях, – Иов размахнулся и рубанул дерево. Хрясь!.. Лезвие наполовину вошло в ствол, высекая щепки и гулкое эхо. – Итак! Слушай и не говори, что не слышал: «Никто не восходил на небо, как только спешивший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах. И как Моисей вознес змию в пустыне¹⁹⁰, так должно вознесены быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него. Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия¹⁹¹».

И тут до меня дошло. Хозяин виноградника – человек в белых одеждах. Иов говорил и говорил, но я уже не слушал его. Я понял, что имел в виду Господин мой, когда сказал: «Вот я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает?»

¹⁹⁰ В пустыне евреям сильно досаждали змеи. Тогда, по слову Господнему, Моисей сделал медного змея и вознес (поднял) его на знамя, чтобы всякий укушенный не погиб от яда, а оставался жив, взглянув на это изображение.

¹⁹¹ Ин. 3:13—18.

Смоковница – и есть народ Израиля...

Три года прошло, а плодов нет. Три года он приходил в Иерусалим, три года учил, наставлял, проповедовал, исцелял, воскрешал – и всё напрасно. Как торговали в храме, так и торгуют; как сжигали жертвы, так и сжигают; как презирали неверных, так и презирают. Не дало плодов древо Иудино, не захотел Иерусалим принять Пророка. Затаил на него зло и стал собирать камни, чтобы побить его.

А Иов вторил мне, вгоняя лезвие всё дальше и дальше в ствол дерева. Вбивая слова в приговор народу Израиля: «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны¹⁹²».

Стучал и стучал топор, вгрызаясь всё глубже и глубже в дерево. А я стоял и считал. Раз, два, три... тридцать три удара по дереву насчитал я, прежде чем смоковница затрещала и рухнула на землю. Интересно, чему соответствует это число? Мог бы говорить – спросил бы у Иова, а лучше у Господина моего, он-то уж точно знает.

Гадоль выпрямился и вытер струящийся по щекам пот.

– Вот и всё, Хамарин. Осталось попилить на дрова – и в печь. Только и проку, что свет и тепло.

«Свет – для заблудших, тепло – для озябших».

Это не я. Я этого не говорил! Я посмотрел на Иова – он тоже молчал, разминая уставшие руки и сосредоточив взгляд на поваленном дереве.

Но кто-то же это сказал?.

Глава 8. Петроний и Никодим

И вошел Иисус в храм Божий, и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано: «дом Мой домом молитвы наречется»; а вы сделали его вертепом разбойников. И приступили к Нему в храме слепые и хромые, и Он исцелил их. Видев же первосвященники и книжники чудеса, которые Он сотворил, и детей, восклицающих в храме и говорящих: «осанна Сыну Давидову!» – вознегодовали...

Евангелие от Матфея, 21:12–13

Петроний уже сидел на коне, когда протяжный звук шофара заставил его повернуть голову в сторону южной стены¹⁹³. За стеной располагался ров, склоны которого были выложены отшлифованными плитами. Противоположная сторона рва относилась к Мориа¹⁹⁴ – священной горе, вершину которого занимал Иерусалимский Храм и всё, что его окружало: стены, колоннады, синагоги, колодцы, дворы, жертвенники, склады, погреба и многое другое, дававшее жизнь храму. Протяжный звук нарастал, беря всё выше и выше – требуя немедленного вмешательства.

– Что там у них? – крикнул командир солдату, стоящему на стене.

– Я не пойму... – легионер перегнулся через зубцы, стараясь разглядеть, что происходит в храме.

¹⁹² Ин. 3:19–21.

¹⁹³ Имеется в виду южная стена претории на территории крепости Антония.

¹⁹⁴ Мориа – холм в восточной части Иерусалима. Храмовая гора, которую почему-то упорно называют Сионом.

Стены цитадели были на двадцать локтей выше храмовых, и всё, что творилось от Овечьих ворот до Давидова городка, просматривалось как на ладони.

– Солдат, не молчи, или я прикажу кормить тебя ячменем¹⁹⁵!

Шофар в последний раз взывал и резко замолк, как будто рог отняли у трубящего. И только сейчас в претории слышали, как кричат люди: истошно, с надрывом. Так обычно вопят торговцы, увидев, что их обокрали.

Петроний в нетерпении потерял уздечку. Гнедой жеребец воспринял это как команду – мол, сейчас поедем, – но толчка коленями в ребра не было, и он продолжал терпеливо стоять, передергивая ушами.

Легионер оперся на крепостной зубец.

– Там толчея какая-то. Кажется, кто-то валит столы... – солдат замолк, всматриваясь в суету, возникшую на внешнем дворе. – Командир! – солдат повернулся к Петронию и растерянно развел руками. – Он выгоняет их из храма!

– Кого выгоняет? – Петроний потерял терпение и спрыгнул с лошади.

– Торговцев.

– Торговцев?! – удивлению центуриона не было предела. Кто тот человек, который осмелился поднять руку на меня из числа левитов? Кто посмел выгнать торговцев скотом, дававшим мзду левитам? Кто выпустил голубей, пойманных учениками левитов? Кто мог опрокинуть ящик с подношениями, за которыми следили левиты?

Только самоубийца.

Сей человек не мог быть человеком. Ибо каждый знал, даже римляне, что торговцы в храме так же неприкосновенны, как и священники в Иерусалиме.

Центурион, задрал голову, с удивлением взирая на взлетающих в небо птиц. С каждым стуком деревянного колеса, подающего воду в преторию, пернатых становилось всё больше и больше. И тут раздалось то, что Петроний не ожидал услышать: стройные, звонкие голоса вскричали: «Осанна в вышних!» – и запели. Он слышал эту песню вчера, когда весь город был в движении, встречая человека, въезжающую в город на своем осле.

«Он вернулся, чтобы устроить беспорядки», – мелькнула мысль. Ни ему – тысяченачальнику Иерусалима, смотрящему за порядком, ни первосвященникам, ни тем более префекту, к которому он был зван на завтрак, проблемы были не нужны. Особенно накануне Пасхи.

– Первая когорта¹⁹⁶, за мной, кавалерии встать у Соломоновых ворот¹⁹⁷. Лучники – на стены, – не раздумывая, центурион вбежал в юго-восточную башню, нырнул под сводчатую арку и понесся вверх, прыгая через ступеньку. Сзади, цепляясь щитами и древками копий за ступени, загрохотало три сотни пар ног. Бег вверх, по узкому извилистому коридору, был изнурителен. Легионеры тяжело дышали и не сдерживая проклятий, обильно сыпали их на головы иудеев, устроивших ни свет ни заря переполох в храме. Воины старались не отставать от длинноногого Петрония, прозванного за свою скорость «червос»¹⁹⁸, что значит олень.

Двадцать пять ступеней до площадки, поворот налево – и еще двадцать пять до следующей площадки... Прежде чем добраться до калитки, выводящей из башни, пришлось пробежать шесть поворотов, полируя каменную кладку бронзовыми щитами. Толкнув кованую дверь, центурион первым выскочил на навесную галерею, соединяющую крепость и Храм. Тяжелый арочный мост из серого камня висел в воздухе: он словно парил, цепляясь выступами камней за края стен. Внизу темным провалом зиял ров, на дне которого журчали зловония, стекая по водостокам с городских предместий.

¹⁹⁵ По мнению римлян, пища из ячменя полагалась животным и рабам, а не свободным людям.

¹⁹⁶ Когорта – древнеримская боевая единица, 1/10 часть римского легиона (360–600 чел.).

¹⁹⁷ Ворота на восточной стороне храмовой стены, вели через двор язычников непосредственно к Храму.

¹⁹⁸ Cervos (лат.) – олень.

– Шаг не равнять, – крикнул Петроний, боясь, что мост может войти в резонанс и развалиться, похоронив под собой целую когорту солдат. – Во двор не спускаться, встать между колонн, – центурион махнул рукой и побежал по мосту, потом вниз по ступеням, выводящим сразу во внешний двор.

Легионеры, словно хвост змеи, сделали всё то же самое – и через некоторое время замыкающий вбежал под своды великолепной колоннады.

Все галереи в этой части храмового двора были двойные, а колонны, высеченные из цельного куска белоснежного мрамора, имели высоту в двадцать пять локтей. На столбах покоилась крыша из кедрового дерева, обшитая золотыми листьями. Ширина каждой галереи достигала тридцати локтей, и длинна исчислялась шестью стадиями. Открытые места храмового двора были вымощены разноцветной мозаикой.

С башен претории храм представлял собой три квадрата, входящих друг в друга, словно три чаши, надетые одна на другую: малая, средняя и большая. Малой чашей был храм, средней – двор израильтян, а самой большой – внешний двор, или, как его называли евреи, «двор язычников».

Между первым и вторым освященным местом тянулась изящно отделанная каменная ограда вышиной в три локтя. На ней через одинаковые промежутки стояли столбы, на которых на греческом и римском языках был написан закон очищения, гласивший, что под страхом смерти чужаку нельзя вступать в святилище.

Петроний взмахнул рукой – и солдаты, подчиняясь команде, встали вдоль южной и северной колоннады: сдвинув щиты, плечом к плечу, в одну линию. Ощетинившись копьями, железная змея охватила Храм, сжав его, словно клещами, с двух сторон.

То, что увидел центурион, ничуть не покорило его жестокое, закаленное войной сердце. Скорее рассмешило.

Птичьи перья витали в воздухе, словно кто-то распорол подушку и вытряхнул ее прямо над храмом. Между колонн валялись опрокинутые столы, лавки, покрывала, подушечки для сидения, пустые клетки. Ветер катал плетеные корзины. Вокруг было много рассыпанной мелочи, которую никто не осмелился поднимать. Упавшие деньги во «дворе прозелитов» считались нечистыми – из-за скопления неверных, прокаженных и больных, а также из-за огромного количества животных, загадивших своими катышками и лепешками весь двор.

Крови не было, убитых тоже, ничто не горело, никто не стонал. Только растерянные люди бродили по площади, стояли кучками, шептали что-то друг другу, бросая суровые взгляды в сторону иудея, окруженного толпой. Там, где стоял или куда переходил человек в белом хитоне, слышался уверенный, мелодичный голос, постоянно меняющий тональность – от тихого увещевания до резкого обличения. Над остальной территорией храма висел глухой ропот обиженных менял и торговцев.

То, что человек, устроивший погром, был иудеем, Петроний несколько не сомневался. Хватило бы и месяца, чтобы научиться различать среди смуглых, курчавых, горластых людей иудеев, самаритян, галилеян, идумеев. Петроний же находился в Иудее пятый год, причем два последних – в должности тысяченачальника. Его позвал с собой Пилат, под командованием которого он служил в Испании.

Через двор, разрывая на себе рубаху, шел носастый еврей в длинной шерстяной халлуке с короткими рукавами. Из-под остроконечной шапки из навитых полос ткани торчали смоляные, жесткие, не поддающиеся гребню волосы. По его щекам текли слезы.

– Эй, – Петроний поманил еврея к себе. – Подойди.

Не вытирая слез, еврей подошел к центуриону, смотря снизу вверх невидящим, залитым слезами взором.

– Что здесь было? – спросил римлянин, хотя и сам прекрасно знал, что произошло.

Еврей, которому на вид было не больше сорока, вытащил платок и провел им по глазам, сгоняя слезу. Моргнул – и с ужасом отшатнулся назад: прямо перед ним был край юбки, из-под которой торчали голые, волосатые колени. Центурион стоял на цоколе колоннады, что на три локтя возвышалась над площадью.

– Благословен Судия Праведный, что не сотворил меня язычником! Благословен Господь, что не сотворил меня женщиной! Благословен Он, что не сотворил меня неучем...

– Прекрати паясничать! Лучше скажи: это он всё устроил? – центурион показал на колышущихся людей, поднявших руки и вопивших: «Осанна Сыну Давидову! Благословен Грядущий во имя Господне!» Человека в белом хитоне не было видно, но римлянин знал: он там. Не будь его – не было бы ни криков, ни толпы.

Торговец еще раз моргнул и уставился на длинноногого, скуластого, голубоглазого римлянина в блестящем на солнце панцире, с позолоченными орлами на груди и такими же наплечниками. Видя негра, альбиноса, великана или карлика, всякий благочестивый еврей должен был произнести: «Благословен Господь, разнообразящий всякие творения», что иудей и сделал, несколько перефразировав смысл.

– Благословен Господь, разнообразящий всякие твари.

– Ты слышал, что я сказал?! Отвечай! – зубы скрипнули. Петроний начал заводиться, отчего рука машинально легла на рукоять меча. Ему не понравилось, что иудей, славословя своего Бога, сказал: «Благословен Судия праведный¹⁹⁹». Насколько Петроний был невежественным в их вере, настолько же он хорошо знал, что так говорят, видя калек, прокаженных и больных. – Извинись!

– В чем вина моя, мин²⁰⁰? Только я сел в храме, заплатил залог, из которого будет принесена общественная жертва, как явился тот, кого я вчера встречал с пальмовой ветвью. Он повалил мой стол, рассыпал деньги и стал толкать меня в спину, говоря, что сей дом есть дом Отца его, который мы превратили в вертеп разбойников. Меня посетило несчастье. Скажи, не имеющий удела в будущем мире..., чем я обидел тебя?

Центурион был в курсе, что с каждой обыкновенной монеты, обмененной на священную, менялы получали «лаж» – так называемую плату за обмен. Хотел произнести: «Тот человек прав, что выгнал тебя. Устроили здесь притон откупщиков!» Хотел – но промолчал. Негласный закон Рима гласил: «Хороший пастух стрижет своих овец, но не сдирает с них шкуры». Слова, сказанные императором Тиберием наместникам, просившим разрешения повысить налоги. Об этом ему рассказывал префект. Петроний вспомнил, что был зван на завтрак к Пилату и не явился, чем навлек на себя кучу неприятностей: от банальной обиды до придирчивой проверки, которую мог устроить наместник в любое время.

Надо было выкручиваться.

Он знал, что Пилат любил философские, поучительные беседы, особенно если они касались чужой для него веры. Как наместник он искал, за что бы зацепиться, чтобы полюбить этот край, но не находил, с каждым годом отдаляясь от народа, который возненавидел его и которому он отвечал взаимностью. Со временем римляне перестали хватать на улицах и возить в Кесарию тех, кто собирал вокруг себя людей, поучая их, – ибо от них не было никакого толку. Среди десятков привезенных не нашлось ни одного, кто заинтересовал бы префекта. По этому поводу Пилат однажды сказал: «Много красноречия, но мало мудрости».

Кажется, он придумал, как превратить гнев наместника в милость. Петроний покрутил головой, разыскивая загадочного человека и окружавших его людей. Вот он – стоит у Соломоновых ворот, будоража речами Святой Сион.

¹⁹⁹ Видя больного, слепого, прокаженного или калеку, говорят: «Благословен Судия Праведный», то же самое говорят в случае несчастья, постигшего человека, а при счастье говорят: «Преблагий и Благодетельствующий».

²⁰⁰ Мин (иврит) – язычник, еретик, отступник; то же самое, что и «гои» употреблявшееся во времена Нового Завета исключительно во множественном числе (по отношению к народам, племенам).

Схватить тайно не получится: тот всегда окружен людьми, и если рядом нет толпы, то за ним, словно тени, ходят его ученики числом до семидесяти. Центурион был раздосадован тем, что не сообразил схватить иудея прошлой осенью, когда тот явился в город на праздник Кушей. Тогда и людей с ним было меньше, и народ не так за него радел...

– Зачем ты стоишь здесь? Если ты пришел, чтобы защищать нас, так пойд и убей его! – в голосах возбужденной толпы клокотала ярость. Эта ярость и вернула Петрония в жестокую реальность. Думая о Пилате, он пропустил момент, когда полсотни евреев собрались у его ног, раздирая на себе волосы и одежды.

– В чем вы обвиняете его? – из головы не выходил завтрак у наместника, и римлянин сказал – лишь бы сказать, даже не думая бежать куда-то и рубить кого-то. А вот арестовать... Петроний, зевая, прикрыл рот кулаком, глядя на небо. Было три часа.

– Он воскресил того, кто четыре дня как умер! – среди евреев прошла волна, больше похожая на легкую толчею. Люди посторонились, пропуская вперед человека с большим карманом на груди, из которого торчала книга. Это был тот самый левит, что день назад проходил через Вифанию вместе в козном и двумя талмидами.

– О чем ты? – центурион поморщился. Он не любил, когда говорят загадками или притчами.

– Назарянин воскресил мертвеца. Я был там, видел и блевал, заливая свой эфод кишечной желчью, глядя на смердящего Лазаря. Его вид был ужасен, а запах непереносим, но он встал и пошел, и говорил, и, омывшись, возлег вместе со всеми, и ел, как все. Тот, кто его воскресил – не человек, ибо не дано сынам человеческим творить такое, и не пророк, ибо не дана пророкам такая сила. «Благословен Господь Бог, Бог Израилев, един творящий чудеса», – левит быстро обернулся в сторону храма и вновь повернулся к внимающей толпе. – Я не знаю, кто он, откуда, и чьим именем повелевает. Но такого не было со времен Моисея, и до Моисея не было таких времен. Пришло время поднимать и бросать камни: как отцы наши побивали пророков, так и мы побьем его, учеников его и Лазаря четверодневного²⁰¹.

«Убей его», – понеслось со всех сторон. Толпа дрогнула и пришла в движение. Со всех сторон к Петронию потянулись руки. Дабы не быть стащенным за ноги, центурион попятился назад, одновременно вытаскивая меч с невероятным желанием отсечь первую же руку, которая схватит его за поножи²⁰².

Увидев обнаженный меч, люди зашевелилась, напирая на цоколь. Некоторые смельчаки, положив руки на камни, примеривались, как бы запрыгнуть с первого раза.

– Держать ряды, бить только щитами, – сквозь зубы произнес центурион. Улыбки побежали по лицам легионеров. Команда была понятна, мила сердцу и обещала небольшое развлечение.

– Хватай их за ноги... Тащи! – в толпе надавили, прижимая стоявших в первых рядах в колоннаде.

– Щиты на землю!

Щиты скользнули вдоль бедер и, глухо стукнувшись о плиты, отсекали доступ иудейских рук к ногам легионеров. Копья сменили положение с вертикального на горизонтальное, заставив евреев податься назад.

²⁰¹ Лазарь из Вифании был прозван четверодневым за то, что был воскрешен Христом на четвертый день после своей смерти.

²⁰² Поножи – часть доспехов, которая защищает переднюю часть ноги от колена до щиколотки.

– Стойте! – раздался властный голос, отвлекая внимание евреев от солдат. – Разве вы не знаете, что если двенадцать оправдывают, а одиннадцать обвиняют, то он оправдан будет²⁰³? Не подлежит наказанию тот, кто на суде не был; и не идет на суд тот, на ком вины нет.

Люди медленно, словно не желая впитывать сказанное, повернулись к Петронию спиной, с неудовольствием взирая на старика с властными, волевыми чертами лица. Чуть ниже среднего роста, одетый как богатый торговец – в пилусийские одежды²⁰⁴ и халлук, отороченный мехом, поверх которого был надет льняной эфод с длинными, свисающими до земли кистями колена Левитова. Это был Никодим – член Синедриона, о чем свидетельствовал золотой перстень с печатью Великого Совета.

– Не ты ли говорил нам в том году: «Судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?»²⁰⁵

– Не вы ли спрашивали меня, не из Галилеи ли я? И сказали; «Рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк²⁰⁶». Отвечаю вам: рассмотрел и увидел. Он пришел.

– Разве из Галилеи Христос придет?

– Не сказано ли в Писании: «И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудинными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных. Посему Он оставит их до времени, доколе не родит имеющая родить; тогда возвратятся к сынам Израиля и оставшиеся братья их. И станет Он, и будет пасти в силе Господней, в величии имени Господа Бога Своего, и они будут жить безопасно, ибо тогда Он будет великим до краев земли²⁰⁷».

– Разве он от семени Давидова, помазанника Божьего? – подал кто-то свой робкий голос.

– Сказал – да не услышали, показал – да не увидели, – старик выставил руку, указывая крючковатым сухим пальцем в сторону Соломоновых ворот, говоря: «И произойдет отрасль от корня Иессеева²⁰⁸, и ветвь²⁰⁹ произрастет от корня его; и почует на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия; и страхом Господним исполнится, и будет судить не по взгляду очей Своих и не по слуху ушей Своих решать дела. Он будет судить бедных по правде и дела страдальцев земли решать по истине; и жезлом уст Своих поразит землю, и духом уст Своих убьет нечестивого. И будет препоясанием чресл Его правда, и препоясанием бедр Его – истина²¹⁰».

«А старик не промах, ему в рот палец не клади: оттяпает и не подавится», – подумал Петроний, досадуя, что евреи вступили в бесконечную перепалку, которая может затянуться до вечерней молитвы. Пилат ждать не будет, и надо было принимать меры, чтобы успеть к нему на званый завтрак.

– Так почему же его зовут Назарянином²¹¹? – левит хитро улыбнулся.

– Там дом его, и мать, и братья, и сестры его сродные²¹². По злонравию своему вы называете Его Назарянином, хотя Он плоть от плоти и семя от семени Давидова. «Вот, наступают дни, говорит Господь, и восставлю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь, и будет поступать

²⁰³ М. Т. Санн. V:5.

²⁰⁴ Дорогие одежды, которые шились из очень тонкой льняной материи, привозимой из египетского города Пелусиума.

²⁰⁵ Ин. 7:51.

²⁰⁶ Ин. 7:52.

²⁰⁷ Мих. 5:2–4.

²⁰⁸ Иессей (XI в. до н. э.) – отец царя Давида, положивший начало рода, из которого вышел Иисус Христос. Отсюда пошло выражение «корень Иессеев».

²⁰⁹ «Росток», «ветвь» – так обычно называет Мессию Исаия Иерусалимский; второе значение – «потомство».

²¹⁰ Ис. 11:1–5.

²¹¹ Прозвище «назарянин» – от города Назарета, где жил Иисус.

²¹² Двоюродные и троюродные.

мудро, и будет производить суд и правду на земле²¹³». Не о нём ли говорил Господь Саваоф²¹⁴: «Вот, идет буря Господня с яростью, буря грозная, и падет на главу нечестивых. Гнев Господа не отвратится, доколе Он не совершит и доколе не выполнит намерений сердца Своего; в последующие дни вы ясно уразумеваете это²¹⁵».

Левит развел руками, улыбка заиграла на его лице. Ему показалось, что он поймал старика на несоответствии и умышленном искажении Торы. Этот момент должен был стать триумфом человека, который всю жизнь мечтал войти в Синагог, и, кажется, он нашел того, чье место займет. Левий облизал вмиг пересохшие губы.

– Говорил Господь: «И в пророках Самарии Я видел безумие; они пророчествовали именем Ваала²¹⁶ и ввели в заблуждение народ Мой, Израиля²¹⁷».

Никодим не дал договорить ему.

– «Но в пророках Иерусалима вижу ужасное: они прелюбодействуют и ходят во лжи, поддерживают руки злодеев, чтобы никто не обращался от своего нечестия; все они предо Мною – как Содом, и жители его – как Гоморра. Посему так говорит Господь Саваоф о пророках: вот, Я накормлю их полынью и напою их водою с желчью, ибо от пророков Иерусалимских нечестие распространилось на всю землю²¹⁸».

Но левит тоже был не лыком шит.

– «Так говорит Господь Саваоф: не слушайте слов пророков, пророчествующих вам: они обманывают вас, рассказывают мечты сердца своего, а не от уст Господних²¹⁹».

Старик улыбнулся, обведя рукой стоящую за спиной левита толпу и переведя палец в сторону восточных ворот, возле которых никого не было.

– Да, подтверждаю! Он не пророк.

– Вот, слышали? – Левий радостно ощерился, поднимая палец вверх и призывая небо в свидетели.

– Кто же он... скажи нам, старик... раскрой глаза наши... просвети ум наш, – робкие голоса заколыхались над растерявшимися иудеями.

– Он Сын Божий!

– Богохульствуешь! – кровь, закипев, ударила левиту в лицо.

Всё с той же блуждающей улыбкой на лице Никодим, ничуть не смущаясь, продолжил:

– У них спросите: почему они за Ним ходят? Слушают Его во всём и почитают, как Отца родного. Что сказал Он им, что дал им, что пообещал? Много ли больных исцелил, мертвых восстановил, грехов простил? В чем сила его? Не знает... молчите... Так я скажу! И был из облака глас, глаголющий²²⁰: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение²²¹».

– Он богохульствует... На суд его... Побить камнями, – полсотни пар рук метнулись к старику, с треском разрывая на нем меховой халлук.

Это было то, о чем мечтал Петроний: он отвезет старика к Пилату.

– Именем Рима, кесаря и префекта Иудеи я забираю этого человека, – Петроний спрыгнул с цоколя – и тут же тридцать легионеров, следовавших за ним, окружили Никодима

²¹³ Иер. 23:5.

²¹⁴ Господь Саваоф – «Господь воинств (небесных)»; одно из имён Бога в иудаизме и христианстве.

²¹⁵ Иер. 23:19–20.

²¹⁶ Ваал – главное божество Финикии. Служение Ваалу (Баалу) включало в себя человеческие жертвоприношения. Символом служил фаллос в виде колонны с усеченной вершиной. При капищах Ваала жили священные блудники и блудницы, за деньги служившие божеству.

²¹⁷ Иер. 23:13.

²¹⁸ Иер. 23:14–15.

²¹⁹ Иер. 23:16.

²²⁰ Говорящий.

²²¹ Мф. 3:17.

плотным кольцом. В римлян полетели камни, выбивая из щитов барабанный перестук. Пришлось встать «черепахой» и, оцетинившись копьями, пятиться до самой башни, из которой они вышли полтора час назад.

Видя, что побить камнями Никодима не удалось, толпа, затянув славословия, двинулась во внутренний двор, распевая нестройными голосами: «Прости нас, Отче наш, ибо мы согрешили. Отпусти нам, Царь наш, ибо мы провинились; ведь Ты отпускаешь и прощаешь! Благословен Ты, Господи, умолимый, многопрощающий. Пошли нам, Господи, здравие, – и мы будем здоровы; помоги нам – и мы будем обеспечены, ибо Ты – наша Слава²²²».

Глава 9. Ирод, сын Ирода

Во время же празднования дня рождения Ирода дочь Иродиады плясала перед собранием и угодила Ироду, посему он с клятвою обещал ей дать, чего она ни попросит. Она же, по наущению матери своей, сказала: дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя. И опечалился царь, но, ради клятвы и возлежащих с ним, повелел дать ей, и послал отсечь Иоанну голову в темнице. И принесли голову его на блюде, и дали девице, а она отнесла матери своей. Евангелие от Матфея, 14:6–11

Жена осталась в римском лагере, намереваясь вместе с Клавдией посетить вечерние игры солдат в мяч *pila trigonalis*. Как объяснил префект, в игре не было ничего интересного: три обнаженных игрока становились по трем концам начерченного на песке треугольника и поочередно бросали друг другу мяч, постепенно увеличивая скорость бросков.

Антипа вспомнил, как Иродиада²²³, блестя глазами, припала к его плечу и, запустив руку под пурпурную тогу,²²⁴ слегка ущипнула мужа за сосок, сказав: «Говорят, римские солдаты похоже на Аполлонов. Ты же не будешь возражать, если я останусь и посмотрю... так ли это?» Он не стал её отговаривать: проще было уступить, чем начинать склоку. В жилах царицы, как и в его, текла кровь Ирода Великого²²⁵, который для неё был дедом, а для Антипы отцом. Причем судьба распорядилась так, что у неё этой крови было больше. Плюс природное упрямство и свирепость, так присущая всем потомкам Хасмонеев²²⁶, к которым она принадлежала по бабке²²⁷. К тому же, её отсутствие во дворце позволяло безбоязненно уединиться в римских банях с двумя темнокожими рабынями, купленными им по дороге из Тивериады²²⁸ в Иерусалим.

Обед у префекта не удался...

Еды было много, вина еще больше, но Пилат пил мало, и Ироду не хватало компании. И если бы не подоспевший Петроний, который притащил какого-то босяка, выдавая его за члена Синедриона, Ирод бы так и остался трезвым и злым. В десятом часу²²⁹ захмелевшего, но

²²² Текст молитвы из «Амиды» – шестое и седьмое благословение: «Прощение» и «Исцеление».

²²³ Иродиада (ок. 15 г. до н. э. – после 39 г. н. э.) – вторая жена Ирода Антипы; его племянница, дочь сводного брата Аристокбула; жена сводного брата Ирода Филиппа, силой у того отобранная.

²²⁴ Тога – верхняя мужская одежда в виде цельного полотна ткани: настолько длинная и широкая, что без посторонней помощи её невозможно было надеть (обмотать вокруг тела).

²²⁵ Ирод I Великий (37 г. до н. э. – 6 г. н. э.) – царь Иудеи. При жизни Ирода не называли «Великим» – это термин нового времени, оставленный автором для идентификации, «кто есть кто» в генеалогии Иродиадов.

²²⁶ Царский, священнический род. Потомки Хасмонеев правили Иудеей с 152 по 37 г. до н. э.

²²⁷ Мариамна (60–29 г. до н. э.) – вторая жена Ирода Великого. Происходила из династии Хасмонеев. Была оклеветана родственниками мужа, обвинена в заговоре против царя и казнена.

²²⁸ Тивериада – столица тетрархии Галилеи и Перей. Современный город Тверия на северо-востоке Израиля.

²²⁹ Восемнадцать часов по римскому времени.

изрядно повеселевшего Антипу погрузили в паланкин²³⁰ и отправили в город в сопровождении римской турмы и личной гвардии галилейского тетрарха.

Чуть наклонив голову, Ирод дремал в такт покачивающемуся паланкину, водруженному на плечи двенадцати рабов. Длинноногие абиссинцы довольно бойко шлепали по известняковому плато, приближаясь к Гиппиковой башне²³¹, за которой был дворец с павлинами, фонтанами, целебными термами и спальнями, полными наложниц, к которым он питал такую же страсть, как к вину и зажигательным танцам.

Скошенный лоб с выпуклыми надбровными дугами и сдвинутые почти вплотную брови придавали лицу некую привлекательную суровость, свойственную только жителям каменистой Идумеи. Лоб и брови достались ему от отца, а вот тонкий с небольшой горбинкой нос и жесткие, вечно сжатые, мясистые губы перешли по наследству от матери²³². С годами цвет лица потемнел еще больше, появились морщины и обвислые щеки, которые он искусно скрывал под бородой, заплетенной в двадцать восемь косичек.

Помнится, когда иудей-парикмахер закончил плести узлы, он взял выходной и пошел в город, где, напившись, рассказал о бороде виночерпию, виночерпий рассказал мяснику, мясник пастуху, пастух кузнецу, кузнец ювелиру – и пошло-поехало, пока об этом не объявили в Иерусалимском храме.

Священники пришли в трепет, тут же собрали мудрецов и отправили в Тивериаду с напутствием, что «отец тетрарха отличался большим благочестием в соблюдении закона Израиля, чем сын, носил бороду, а не женские косы», а в назидание следовало процитировать строку из Писания, где сказано: «Не стригите головы вашей кругом, и не порти края бороды твоей²³³».

«И скажите ему...», – кричали ходокам книжники и фарисеи, шагая рядом с ними. – «Если кто будет прелюбодействовать с женой замужнею, если кто будет прелюбодействовать с женою ближнего своего, – да будут преданы смерти и прелюбодей и прелюбодейка. Кто ляжет с женою отца своего, тот открыл наготу отца своего: оба они да будут преданы смерти, кровь их на них. Если кто ляжет с невесткою своею, то оба они да будут преданы смерти: мерзость сделали они, кровь их на них. Если кто возьмет жену брата своего: это гнусно; он открыл наготу брата своего, бездетны будут они²³⁴».

Им вторили саддукеи: «Если кто возьмет себе жену и мать ее: это беззаконие; на огне должно сжечь его и их, чтобы не было беззакония между вами. Если кто возьмет сестру свою, дочь отца своего или дочь матери своей, и увидит наготу ее, и она увидит наготу его: это срам, да будут они истреблены пред глазами сынов народа своего; он открыл наготу сестры своей: грех свой понесет он²³⁵».

Даже простые иудеи, среди которых было множество зилотов²³⁶, ожидающих падения Рима, не остались в стороне, наставляя несчастных, переполненных эмоциями и страхами мудрецов: «Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость: да будут преданы смерти, кровь их на них. Кто смесится со скотиною, того предать смерти, и скотину

²³⁰ Паланкин – средство передвижения в виде укрепленного на длинных шестах крытого кресла или ложа, переносимого носильщиками.

²³¹ Гиппикова башня – сооружение на западной стороне Иерусалима, имело высоту 80 футов (23,5 м).

²³² Ирод Антипа был сыном идумеянина Ирода Великого и самаритянки Малтаки.

²³³ Лев. 19:27.

²³⁴ Лев. 20:10–12, 21.

²³⁵ Лев. 20:14, 17.

²³⁶ Зилоты (зелоты) – одна из религиозных сект в Иудее. Главная цель – свержение римского господства, для достижения которой они считали пригодными любые средства. Яростные сторонники прихода Мессии.

убейте. Если женщина пойдет к какой-нибудь скотине, чтобы совокупиться с нею, то убей женщину и скотину: да будут они преданы смерти, кровь их на них²³⁷».

Но напутствие не было передано, слова застряли в горле, Тору никто не развернул, а мудрецы перепились, славя Ирода Антипу и удивляясь его мудрости, достойной самого Соломона²³⁸...

Дело было в том, что Ирод Антипа очень жаждал короны. Вопрос, который его мучил чуть ли не каждый день – как ему, не иудею, стать царем Иудеи. Он был внуком Антипара Идумеянина и арабской принцессы Кипры, сыном Ирода Великого и самаритянки Малтаки. В нем текла идумейская, арабская и самаритянская кровь, но не было ни капли еврейской. Дед стал прокуратором Иудеи, а отец царем: и в первом, и во втором случае всё произошло с молчаливого согласия Рима. И хотя Тиберий называл Ирода своим другом, но корону не предлагал, а Иудею так и оставил в составе имперских провинций²³⁹, что давало ему право, минуя сенат, назначать туда префектов²⁴⁰.

Тем не менее Ирод не оставлял надежду стать царем, заигрывал с первосвященниками, потакая им во всём, привечая и одаривая золотом, стадами и рабами. Но это была внутренняя сторона, о которой знали только избранные. А еще была внешняя, при которой каждый еврей должен был остановиться при виде тетрарха и произнести: «Он благочестивей отца своего, построившего Храм и стены городские, так почему же он не царь мой?».

Что надо, чтобы народ тебя полюбил?

Всего лишь малость. Родиться евреем или... Или три раза в день читать «Амиду» и «Агаду», славословить Бога, изучать Тору, молиться от зари до зари, посещать храм, соблюдать обряды, приносить жертву, не есть нечистого, не прикасаться к грязному, не носить оскверняющего, соблюдать субботу и исполнять заповеди, желательно все шестьсот тринадцать – и так триста шестьдесят пять дней в году, из года в год, пока тебя не заметят.

Или...

Или найти изворотливого еврея, который за горсть монет научит тебя, как быть иудеем, не вставая на молитву, не посещая Храм и не принося ежедневную жертву.

Всё оказалось проще сушеного финика.

Еврея звали Матан²⁴¹, и он полностью соответствовал своему имени, став настоящим подарком для Ирода Антипы. Он пришел в субботу, после «Минхи»: грязный, голодный и босоногий. Постучал в ворота и сказал стражнику противным тонким голосом: «Пойди и доложи, что пришел тот, в котором нуждается твой повелитель, а если не пойдешь, после того как я стану его секретарем, я прикажу всыпать тебе сорок плетей без одной²⁴². А я стану секретарем тетрарха, я тебе обещаю...».

Этот Матан, ставший впоследствии секретарем тетрарха, и научил правителя Галилеи и Переи, как стать евреем, не утруждая себя. «У евреев есть шестьсот тринадцать заповедей, – говорил он. Все заповеди разделяются на триста шестьдесят пять запрещающих и двести сорок восемь предписывающих. Запрещающие – по числу дней в году; то есть одна заповедь – один день. Предписывающие – по числу костей в организме человека; одна заповедь – одна кость.

²³⁷ Лев. 20:13, 15–16.

²³⁸ Соломон (1011 – 931 гг. до н. э.) – третий царь, правитель объединённого Израильского царства. Младший сын царя Давида. Бог наделил Соломона невиданной мудростью и терпением. Автор «Книги Екклесиаста», «Песни песней», «Притчей Соломоновых».

²³⁹ После смерти Ирода Великого [Иудейское царство](#) в 6 году н. э. было превращено в [римскую провинцию](#).

²⁴⁰ Сенатские провинции от имени Сената управлялись наместниками в должности проконсула или прокуратора. Императорские провинции находились под личным управлением императора и от его имени управлялись префектами.

²⁴¹ Матан (иврит) – подарок

²⁴² У евреев не разрешалось наносить подсудимому более 40 ударов. Чтобы не ошибиться в счете, наносили сорок ударов без одного.

Если сложить тройку, шестерку и пятерку, получим четырнадцать. Если сложить двойку, четверку и восьмерку, получим четырнадцать. Четырнадцать и четырнадцать – двадцать восемь. Заплети бороду в двадцать восемь кос, и когда тебя спросят, зачем ты сделал это и почему ты не молишься, скажи: «У вас на голове талес, а у меня корона. Талес тканый, корона кованая. Кисти талеса свисают вниз, зубья короны смотрят вверх. Перед вашими глазами – напоминание о заповедях, перед моими – нет ничего. Я заплел бороду по количеству заповедей, и теперь они всегда передо мной. Вы, ложась спать, снимаете заповеди, я ложусь спать с заповедями. Во время ветра вы ловите свои заповеди, а мои становятся ближе к глазам моим. Во время дождя вы прячете заповеди, чтобы они не испачкались, мои же становятся чище. А теперь скажите мне, кто из нас больший праведник: я или вы?».

Вот это «я или вы» Ирод и сказал прибывшим во дворец мудрецам. На что тут же получил пронзительный вопль: «Ты одаряешь человека разумом и обучаешь смертного мудрости. Даруй нам от Себя знание, разум и мудрость. Благословен Ты, Господи, одаряющий разумом²⁴³». После этого, славя и Бога, и Ирода, из тронного зала все перешли в обеденный, куда слуги уже вносили амфоры с вином и корзины с фруктами и где уже звенела музыка и извивались босоногие танцовщицы.

Про грехи блудливого Антипы, который жил со своей племянницей, а племянница жила с дядей, причем уже вторым по счету, все дружно промолчали, думая лишь о том, что голову надо беречь, особенно в присутствии падчерицы²⁴⁴ тетрарха.

– В сторону! Куда прешь, скотина? – легионер поднял копье и тупым концом ударил в грудь иудея, пытавшегося проскочить перед процессией.

Крик выдернул тетрарха из забытья. Мимо проплыло плечо всадника в кольчужной лорике²⁴⁵, ремни конской сбруи, щит, притороченный к седлу, мохнатый лошадиный круп и хвост, отгоняющий назойливых насекомых. Вот и всё, что Ирод успел разглядеть через узкие щели паланкина. И еще сбитого всадником пастуха, лежащего на земле в окружении блеющих коз...

Ряды плоских клепаных колец из бронзы и железа отливали желтизной на спине легионера, лоя и отражая лучи заходящего солнца. Ирод не был иудеем, но желал быть царем этой страны. Придаться было не к чему – солдат защищал его персону. Но всё равно не должен язычник касаться иудея грязным копьем, тем более накануне праздника Пасхи.

Поэтому он должен был заступиться за пастуха и пожурить солдата.

Не успел Антипа поднять деревянные шторки решетчатого окна, как лошадь, идущая рядом с носилками, подняла хвост, обильно удобрив землю. Забыв про пастуха и его коз, Ирод сморщился, прикрывая нос пухлой рукой, унизированной золотыми браслетами, словно шея девушки жемчужными нитями.

– Скажи мне, солдат, – Ирод повел носом и, чувствуя, что запахи отстали, высунул голову из паланкина, глядя на легионера, – почему твоя лошадь гадит в Священном городе?

– А чтобы евреи не дремали. Не у вас ли сказано: «Смотри куда наступаешь, чтобы не осквернится от навоза»? – Римлянин хохотнул, натягивая поводья. Тот, что ехал следом, тоже улыбнулся. Антипа скосил глаза: улыбались только люди Пилата. Гвардейцы шли, понуро опустив голову и боясь встретиться взглядом с повелителем.

²⁴³ Текст молитвы из «Амиды» – четвёртое благословение: «Разум», «Понимание».

²⁴⁴ Падчерицей Ирода Антипы была печально знаменитая Саломея – дочь Иродиады, потребовавшая у отчима голову Иоанна Крестителя.

²⁴⁵ Лорика хамата (lorica hamatus) – тип древнеримского кольчужного доспеха.

Шутка тетрарху не понравилось.

Но имеющий власть в Галилее и Перее не имел власти в Иудее, тем более над римлянами. Чтобы наказать римлянина, надо было уличить его в чем-то таком, за что приговаривали к наказанию. Например, ругал кесаря – но вряд ли кавалерийская турма согласится дать ложные показания против одного из своих. Неписанный закон римских легионеров гласил: «*Veritas magis amicitiae*²⁴⁶». А вокруг паланкина ехали как раз римляне, слышавшие весь разговор. Гвардия шла впереди и сзади, расталкивая толпу и замыкая процессию. Пилат не доверял гвардейцам тетрарха и дал ему своих сингуляриев²⁴⁷, которым поручил взять паланкин «в коробочку» и доставить столь «дорогого» ему гостя живым и невредимым до дворца. Ни для кого не было секретом, что Ирод и Пилат конфликтовали, но старались всячески этого не показывать и искали пути к примирению. Пилат знал, что Ирод был другом принцепса²⁴⁸, а Ирод был в курсе того, что император ценил Пилата как способного администратора.

Вряд ли префект вынесет приговор римлянину без подтверждения вины. Поэтому Антипа думал, насколько позволял его опьяневший мозг, о том, какую плату он готов заплатить за то, чтобы солдата лишили жизни.

«Римлянина может судить только Рим, египтянина может судить Рим, самаритянина может судить Рим; иудея же может судить Иудея, но смерти может предать только Рим», – фраза, однажды сказанная Пилатом, отражала сущность сложившегося равновесия, не позволяющего в Иудее кого-либо придать смерти без суда.

На все просьбы евреев не забирать у них Законы отцов Август благосклонно разрешил иудеям «творить суд» над иудеями. Оставив им мелкие права: отлучение от храма, наказание тюрьмой и телесные наказания в виде порки плетью за кражу кур, вырубку деревьев и потраву посевов, – он лишил Синедрион того, за что его всегда называли Великим – права смертной казни. Уступив в малом, Цезарь наверстал в большом. То, чего не смог сделать Ирод Великий, всю свою жизнь старавшийся свести на нет влияние совета, смог сделать Рим. С каждым годом некогда могущественный орган власти всё больше и больше превращался в шумное, крикливое собрание, называемое в народе не иначе как «кагал»²⁴⁹.

«Чего хочет Пилат? – спрашивал сам себя четвертовластник²⁵⁰. И тут же отвечал: – Власти? Она у него есть, в его руках жизнь и смерть иудеев. Золота? Он богат, как богат всякий наместник, собирающий подати. Славы? Он прославился на всю Иудею и даже за ее пределами, забрав деньги из сокровищницы Храма. На эти деньги он построил акведук. Водопровод питался ключами, давая городу чистую воду. Но кому это нужно... Всю жизнь можно ждать от еврея благодарности и не дожидаться. А вот плевков под ноги или булыжник в голову можно получить на счет «два». Причем «два» можно говорить сразу, минуя слово «раз», – Антипа улыбнулся, радуясь шутке, только что им придуманной.

– Матан, – повелитель позвал секретаря, шагающего недалеко от паланкина с ящиком для восковых табличек и заостренными камышинками, торчащими за ухом.

– Да, мой повелитель, – секретарь пропустил кавалериста, приблизился к паланкину и заглянул внутрь носилок, созерцая владыку, утопающего среди подушек.

– Запиши...

²⁴⁶ *Veritas magis amicitiae* – «Истина выше дружбы».

²⁴⁷ Сингулярии – личная кавалерия, телохранители губернаторов (наместников) провинций.

²⁴⁸ Один из титулов императора Тиберия.

²⁴⁹ Кагал (иврит) – народное собрание, сход.

²⁵⁰ Четвертовластник – титул Ирода Антипы, получившего власть над ¼ частью страны, соответствует греч. «тетрарх».

Что записать – тетрарх не сказал, и секретарю пришлось довольствоваться дежурной фразой:

– Слушаюсь и повинуюсь, – стараясь идти в ногу с абиссинцами, Матан перевесил на грудь ящик и откинул крышку, превращая деревянный короб в миниатюрный переносной столик. Подвинув пальцем восковую табличку, вытащил из-за уха камышинку – и притих в ожидании водопада «низвергающейся мудрости».

Забыв про секретаря, Ирод не забыл про солдата. Ярость ушла, и он уже не помнил, чем провинился перед ним легионер. Память не удержала услышанных слов, но в душе продолжала жить злоба, приправленная жаждой мести, крови, унижения того, кто тебе неприятен: так было всегда, с самого детства.

Глянув затуманенным взором на шагающего рядом с паланкином секретаря, Ирод вытащил из корзины амфору с вином и, выдернув соломенный кляп, припал к краю кувшина. Насладившись терпким вкусом, чуть обжегшим гортань и утолившим жажду, вернул амфору на место, забыв про соломенную затычку.

– Матан! – еще раз позвал тетрарх, – запиши! – диктуя афоризм, вместо булыжника сказал «камень», что придало сказанному некую живость: плевок под ноги и камень в голову...

И все же что он даст Пилату?

И тут он вспомнил. Вспомнил об узнике, томящемся в подземельях его дворца. Удивительно, что эта мысль не пришла ему сразу. Удивительно, что пропитанная вином память смогла выдать спрятанную и давно забытую информацию. Удивительно, что он вообще вспомнил о Варавве – человеке, метнувшем камень в префекта. Варавва был каменотесом и находился возле претории в тот день, когда солдаты Пилата дубасили палками иудеев. Камень, брошенный рукой простолюдина, пришелся в бровь римлянину: булыжник был уже на излете, но тем не менее сшиб Пилата с лошади, разворотив наместнику полголовы. Череп чудом не лопнул, но еще долго после этого префект страдал головными болями. Со временем шрам зарубцевался, оставив тонкую бледно-розовую полосу.

Весь Иерусалим прятал героя, словно это был не человек, а Ковчег Завета²⁵¹. Римляне не нашли Варавву – зато его нашли люди Ирода. Тетрарх спрятал его в подземельях дворца, заковав в кандалы и заточив в каменном мешке на долгие годы. Если бы Антипу тогда спросили: «Зачем ты это сделал?», – он пожал бы плечами, как пожал когда-то, глядя на блюдо, на котором в кровавом ореоле лежала голова Иоанна Крестителя.

Пилат не сможет отказать себе в удовольствии казнить мерзавца, поднявшего руку на «тень императора», как называли себя префекты имперских провинций. Оставалось решить, как всё преподнести. Тетрарх поманил секретаря и тихо шепнул:

– Узнай про пастуха, кто он и где живет. Возможно, он пригодится мне.

Решено! Он отдаст Варавву за солдата...

Отдаст с легкостью, как когда-то отдал голову пророка за танец. Поморщился, не желая вспоминать дела трехлетней давности, но память не хотела отпустить и настойчиво долбила в мозг: «Ты слизняк, ты мразь, ты трус, ты уже предал одного человека, зачем тебе еще кровь? Ты весь в отца своего, убившего всех младенцев от двух лет и ниже в Вифлееме и во всех пределах его. Кровь их на тебе и на всех потомках Ирода».

Антипа с силой опустил решетку, чтобы не видеть ничего не подозревающего римлянина, которого он уже обрек на смерть.

Только отблески побуревшего света, отражаясь от начищенной кольчуги всадника, заскакивали внутрь носилок, где в полумраке сгущающихся сумерек сидел насупившийся Ирод Антипа. Коснувшись стенок паланкина, темно-красные пятна начинали кружиться вокруг его

²⁵¹ Ковчег Завета – величайшая святыня еврейского народа. Ковчег, согласно Торе, являлся символом союза Бога с народом Израиля. В ковчеге хранились каменные Скрижали Завета с Десятью заповедями, а также сосуд с манной и посох Аарона.

головы, изображая дикую и безудержную пляску, заставляя его еще раз пережить тот вечер в крепости Махерон²⁵².

Опьяненный разум породил тихую музыку, вгоняя его в сон. Ненавязчивый ритм барабанов, сливающийся с нежной флейтой, вывел на середину зала пленяющую своей красотой дочь Иродиады, одетую в тонкий кружевной синар. Стучали барабаны, пела флейта, а Саломея лишь покачивала бедрами, изображая шелестящий на ветру тростник. Чем сильнее стучали барабаны, тем звонче пела флейта, тем яростней качался тростник. И только после того, как ритм барабанов набрал силу, она открылась во всей своей страсти и, распахнув расшитые золотом одежды, начала остервенелый, завораживающий своим бесстыдством сатанинский танец.

Пляска брала за душу, сводя с ума...

Падчерица не ходила – она носилась как заведенная, то припадала к ложу Антипы, откидывалась назад так, что волосы касались пола; то вскакивала и, кружась, уносила в противоположный конец зала; и уже оттуда вновь неслась к гостям, взвываясь над музыкантами, словно горная лань; синар взлетал в воздух вместе с хозяйкой, открывая на всеобщее обозрение её непристойные места, отчего у возлежащих с тетрархом перехватывало дух.

Она была достойна того, чтобы он, шатаясь и опрокидывая кубки с вином, поднялся на своем ложе и закричал, заглушая грохот барабанов: «Сегодня твой день... Проси чего хочешь!».

«Мою голову», – сказал чей-то тихий мужской голос...

Ирод вздрогнул и открыл глаза. Хмеля как не бывало. Протрезвевшие и ясные глаза смотрели сквозь щели решетки на темные улицы покачивающегося перед ним Иерусалима. Тетрарх знал, кому принадлежит этот голос, но боялся не то что сказать – подумать о нём.

Глава 10. Апостолы

Двенадцати же Апостолов имена суть сии: первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его, Иаков Зеведеев и Иоанн, брат его, Филипп и Варфоломей, Фома и Матфей мьтареь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный Фаддеем, Симон Кананит и Иуда Искариот, которьй и предал Его.

Евангелие от Матфея, 10:2–5

Стемнело быстро – как, впрочем, и всегда в этих краях.

Все, кто ходил с Господином моим, разошлись по окрестностям в поисках ночлега. Часть людей с апостолами от семидесяти поставили шатры на восточной стороне Масличной горы, откуда открывался вид на Иерусалим и его Храм и куда доносились трубные звуки шофаров. Три Марии: мама Господина моего, двоюродная сестра её Мария Клеопова и Мария из Магдалы – и с ними многие женщины ушли к Симону Прокаженному. Часть людей отправилась к Саре, остальные – Господин мой, апостолы из двенадцати и, конечно же, я – остались у Лазаря.

Лазарь, сестры его Мария и Марфа, Господин мой и три ученика ночевали в горнице, остальные из-за тесноты пожелали лечь во дворе. Марфа натаскала сена, устроив некое подобие сеновала, принесла восемь шерстяных одеял и столько же войлочных валиков под голову. Над ложем галилеяне поставили шесты и накрыли их слежавшимися за зиму пластами соломы, соорудив что-то наподобие шалаша и говоря друг другу: «От дождя спасет, а большего нам и не надо – Господь милостив!» – «Да и дождя не будет – Господь милостив!»

²⁵² Махерон (Висячий дворец) – древняя иудейская крепость в пределах Антиповой Переи, на восточном берегу Мёртвого моря. Место казни Иоанна Крестителя.

Они мне нравились – эти чернявые, смышленные галилеяне; бородатые мужи и сыны заповеди с щеками, покрытыми пухом; крепко сбитые, с сильными, привыкшими к труду руками. Внешность – это то, что их отличало, но было и то, что объединяло – взгляд. Один на всех: чистый, ясный, без зла, без тайных помыслов, без лукавства и обмана. «Иди, – говорят, – сюда, Хамарин, морковку дадим», – и лезут в мешок, а я и иду, не боясь, что вместо морковки сунут мне змею под нос. Доверял я им. Почему – не знаю, но рассуждал так: если Господин мой им верит, вручая ключи от дома своего, так что же мне, неразумному, от них шарахаться? Не затем он их три года водил за собой, поучая и наставляя, чтобы они вместо хлеба камень подавали. С ними не было только Иуды, который не пришел в Вифанию, оставшись где-то в городе. Все звали его Искариот, но мне не нравилось это имя, и про себя я прозвал его «скарбник»²⁵³. Не знаю где и от кого услышал слово, но оно у меня почему-то ассоциировалось со скарабеями – жуками-навозниками.

Я стоял во дворе возле дома Лазаря, опустив голову в корыто, выдолбленное из цельного ствола ливанского кедра, с аппетитом уплетал сладкий отборный овес и думал, напрягая весь свой ослиный мозг.

Как?..

Как сказать иудеям: «Он пришел, придите и вы к нему»? В голову ничего путного не лезло. Проблема не в том, что они не поймут меня, а в том, что люди не умеют слушать. Не хотят разговаривать с деревьями, с облаками, с землей, с птицами, со скотами. Они думают, что они от Адама – значит, выше всех, ну так и до Адама уже ослы были.

После гибели смоковницы я полдня не мог прийти в себя. Жалко было дерево, но еще жальче было детей, жён, мужей их и весь народ израильский, которому была уготована участь бесплодной деревяшки. Там, в долине Кедрона, в один миг для меня тайное стало явным. До чего же неразумны люди! Их бы научить, просветить, рассказать, что не так всё просто в этом мире...

Смех заставил меня открыть отяжелевшие веки. Кажется, я уснул. Покрутил головой, пытаюсь взбодриться и прогнать такой сладкий и такой навязчивый сон, особенно вблизи тепла и тихой журчащей человеческой речи. Посмотрел на апостолов, сидящих кружком возле костра. Пахло дымом, вечерней прохладой и горячим, только что вытасненным из печи хлебом.

И послушать хотелось, и поесть, и поспать.

Любопытство побороло сон. Я набил полный рот овса, чтобы не бегать между яслями и апостолами, и потопал к костру. Подошел и встал в сторонке, хрустя ядреными зернами.

– ...Были мы где-то на середине, когда на берегу проббили четвертую стражу. Это я хорошо запомнил. Звон долго еще плыл над морем... Что интересно, как только он замолк, ветер с такой силой рванул парус – чуть лодку не опрокинул! И закачало нас: вверх-вниз, вверх-вниз, чуть кишки наружу не полезли. Ну, думаем, всё – пропали! И Учителя с нами нет – остался на берегу... И берегов не видно. Хоть кричи...

– Ну и покричали бы, – Симон Зилот улыбнулся и сунул в костер несколько сухих веток.

Левий Матфей – тот самый, что приходил за мной к Саде – почесал лоб и посмотрел на Симона: как хороший рассказчик он знал, когда и какой длины делать паузы, чтобы заинтриговать слушателя.

– А ты думаешь, не кричали? Кричали, да еще как... аж все бесы морские повылазили поглядеть, кто так орет истошно.

Раздался дружный смех. Апостолы заулыбались, поглядывая друг на друга в предвкушении веселой истории.

– А Петр когда тонуть начал? – Фаддей поерзал, устраиваясь поудобней.

²⁵³ Скарбник – хранитель казны, денег, ценностей. В славянской мифологии – злой дух, стерегущий сокровища.

– Да погоди ты, – бородач поднял руку, как бы останавливая нетерпеливого. – Давай, Матфей, по порядку. Расскажи, как вы призрака увидели и чуть в море от страха не попрыгали.

Бородачом был Фома. Насколько я понял, в лодке тогда были Петр, его брат Андрей, братья Иоанн и Иаков Заведеевы, Матфей – он же Левий-мытарь – и Иаков Алфеев, брат Фаддея. Самого Фаддея, Фомы, Варфоломея, Филиппа, Симона Зилота и Иуды Скарбника с ними не было: где они находились – известно им самим и Господину моему. Иов как-то проговорился, что Учитель посылал учеников своих проповедовать по всей земле Израильской. Там, наверное, они и были.

– А что тут рассказывать, – Матфей хитро посмотрел на слушателей. – Ни луны, ни звезд, тьма крошечная, только ветер ревет и волны налетают на нас и гонят челн. Куда? Зачем? Одному Богу известно. А мы прижались друг к другу и дрожим от страха. И вдруг ветер как бы спал... тихо так стало, только слышно: «шлеп», «шлеп», «шлеп», «шлеп». Что, думаю, за наваждение, вроде как идет кто-то по воде... Голову поднимаю над бортом и...

– И чуть не поседел.

– Не успел... как заорут все: «Призрак на воде, призрак!» Вот тут и началось самое интересное: кто гребет, кто прячется, а кто молится... Честно скажу, сердце чуть о сандалии не расшилось.

– Так у тебя же нет сандалий.

– Поэтому и не ношу, – слова Левия потонули в дружном хохоте.

– Дальше-то что было? – апостолы горели нетерпением.

И хотя все знали эту историю наизусть, каждый раз, слушая её, они как бы вновь оказывались в море, переживая за маловеров, восхищаясь своим Учителем и всё больше и больше убеждаясь, что Человек этот не от мира сего. Не может смертный ходить по воде, не может накормить пятью хлебами и двумя рыбами пять тысяч человек, не может говорить о любви, возлюбив всех: грешников и отступников; нищих и прокаженных; вдов и сирот. И уж тем более не может поручить ученикам своим: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте²⁵⁴». «Воистину Он Сын Божий», – шептали ученики, с умилением поглядывая в сторону дома.

– Подходит ближе... смотрим – а это Учитель наш... идет по воде, яко посуху... Ну мы дух-то перевели, а у самих зуб на зуб не попадает. Он и речет²⁵⁵ нам: «Ободритесь; это Я, не бойтесь». А Петр Ему в ответ: «Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде». Он и говорит: «Иди». Петр из лодки выбрался и пошел по воде к Иисусу, а тут ветер как дунет, ну он испугался и, начал тонуть, да как закричит: «Господи! Спаси меня!» Иисус тотчас простер руку, поддержал его и сказал: «Маловерный! Зачем ты усомнился²⁵⁶?».

Дружный хохот разбудил Вифанию, поднял сторожевых псов, заливая окрестности звонном цепей и не затихающим пронзительным лаем.

«Не нравятся им истории про Господина моего, ишь как бесятся», – подумал я про собак, пожевал пустым ртом и, сообразив, что овес кончился, затрусил к яслям, чтобы успеть вернуться к костру до начала новой истории.

Уложив гостей, хозяйка поднесла огарок к светильнику, подождала, пока разгорится фитиль, и, прикрывая его рукой, прошла мимо деревянной скамьи и спящего на ней Иисуса,

²⁵⁴ Мф. 10:8.

²⁵⁵ Речет – говорит.

²⁵⁶ Диалог написан по кн. Мф. 14:27–31.

возле которого в окаменевшей позе сидела её сестра Мария с застывшей на щеках россыпью слез.

Стараясь не греметь, Марфа сдвинула засов и, переступив через порог, прошла в чулан. Здесь пахло сыром, кислыми кожами и мышами. Рядами стояли бочки с вином, солеными маслинами, коробка с мукой, финиками и изюмом, под крышей висела рыбачья сеть, полная сушеных яблок, а на полу лежали прошлогодние овощи, пожухлые и давно увядшие.

Марфа наложила на блюдо харосет²⁵⁷, сбоку приткнула стопку румяных лепешек, налила полный кувшин шехара²⁵⁸; всё это взяла в руки и, толкнув плечом еще одну дверь, вышла во двор.

– Я говорю Ему: «Равви, для чего притчами говоришь им?» И сказал Он в ответ: «Для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет»²⁵⁹

²⁵⁷ Харосет (иврит) – каша из толченых орехов, фруктов и сладкого вина.

²⁵⁸ Шехар («шекар», «сикер», араб.) – хмельной напиток, род пива.

²⁵⁹ Мф. 13:10–12.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.